

~~3488~~

801-16
1399

ИЗЪ ИСТОРИИ

U 296
80

РОГОЖСКАГО КЛАДБИЩА.

Николая Субботина.

МОСКВА.

Типографія Э. Лиснера и Ю. Романа,
Воздвиженка, Крестовоздвиж. пер., д. Лиснера.

1892.

Отдѣльный оттискъ изъ №№ 16, 17 и 18 журнала «Братскаго Слова»
за 1891 годъ.

Отъ Московскаго Духовно-Цензурнаго Комитета печатать дозволяется.
Москва, ноября 22-го дня, 1891 года.

Цензоръ священникъ *Иоаннъ Петропавловскій*.

69736-44

2015169335

Изъ исторіи Рогожскаго Кладбища.

Подкрѣпить расколъ на Рогожскомъ Кладбищѣ — значитъ подкрѣпить его даже до отдаленныхъ краевъ Россіи, и, напротивъ, ослабить его на Рогожскомъ Кладбищѣ — значитъ ослабить его повсюду.

Слова м. Филарета (Собр. мнѣній т. 4, стр. 84).

Рогожское Кладбище, составлявшее прежде истинную митрополию бѣглопоповскаго, а теперь составляющее такую же митрополию австрійскаго раскола, никогда не достигало столь цвѣтущаго состоянія, какъ въ настоящее время, къ прискорбію и соблазну сыновъ православной церкви и особенно православныхъ москвичей. Громадное пространство, занимаемое Кладбищемъ, украшено теперь многими новыми, огромными, каменными зданіями изящной архитектуры, совсѣмъ загородившими и подавившими существующую здѣсь единовѣрческую церковь; двѣ величественныя часовни вновь великолѣпно отдѣланы, и въ нихъ открыто служатъ раскольническіе попы австрійскаго поставленія въ полныхъ священническихъ облаченіяхъ; для этихъ поповъ устроены здѣсь же на Кладбищѣ прекрасныя помѣщенія въ особыхъ каменныхъ корпусахъ; за службы раскольническихъ поповъ сюда стекается множество московскихъ поповцевъ и приглашаются даже православные — посмотрѣть на благолѣпіе часовень и благочиніе этихъ службъ, чтобы тѣмъ привлечь ихъ расположеніе къ расколу и отдалить ихъ отъ церкви. Вообще, расколъ высоко поднялъ теперь голову на Рогожскомъ Кладбищѣ и смотритъ всѣмъ въ глаза смѣло, открыто, нагло.

Такихъ успѣховъ, такого процвѣтанія расколъ на Ро-

рогожскомъ Кладбищѣ достигъ постепенно въ теченіе тридцати послѣднихъ лѣтъ, послѣ предшествовавшихъ имъ тяжелыхъ годовъ, въ которые угрожала опасность даже самому существованію Кладбища. Пятидесятые годы истекающаго столѣтія, когда совершился этотъ переломъ, слѣдуетъ назвать критическими годами въ исторіи Рогожскаго Кладбища: въ первой ихъ половинѣ возникалъ вопросъ даже о томъ, быть или не быть Кладбищу, а во второй уже сдѣланы первые шаги къ рѣшенію вопроса въ пользу раскольниковъ, положены первые начатки того укрѣпленія и процвѣтанія раскола на Рогожскомъ Кладбищѣ, какого достигъ онъ теперь. Мы намѣрены изложить здѣсь, на основаніи несомнѣнныхъ документовъ, нѣкоторыя событія изъ исторіи Кладбища за это столь примѣчательное и важное въ ней десятилѣтіе, — событія, изъ которыхъ съ достаточною ясностію можно видѣть, какая опасность угрожала тогда Кладбищу, а съ нимъ и всему поповщинскому расколу, и чѣмъ воспользовались рогожскіе раскольники, чтобы тогда же не только устранить эту опасность, но и начать свои старанія о приведеніи Рогожскаго Кладбища въ цвѣтущее состояніе.

Въ своихъ законодательныхъ и административныхъ мѣропріятіяхъ противъ раскола поставивъ одною изъ главнѣйшихъ цѣлей уничтоженіе прискорбнаго и позорнаго для православной россійской церкви бѣглопоповства, Императоръ Николай Павловичъ твердо и неуклонно стремился къ достиженію этой цѣли. Рогожское Кладбище, какъ главнѣйшее, особенно по закрытіи Иргизскихъ монастырей, центральное мѣсто бѣглопоповщинскаго раскола, при этомъ имѣлось въ виду по преимуществу, и къ началу пятидесятыхъ годовъ на Кладбищѣ, гдѣ въ прежнее время проживали по десяти и болѣе бѣглыхъ поповъ, ихъ оставалось уже только два — Иванъ Матвѣевъ Ястребовъ и Петръ Ермиловъ Русановъ, изъ коихъ первый и умеръ въ 1853 г. Правда, въ Россію и въ самую Москву

тогда успѣла уже проникнуть австрійская іерархія, — находились уже въ русскихъ предѣлахъ два лжеепископа Софроній Жировъ и Антоній Шутовъ, было нѣсколько поставленныхъ ими поповъ; но на Рогожское Кладбище не только эти лжеепископы, но и самые попы австрійскіе могли проникать развѣ только въ особыхъ случаяхъ, и то съ величайшими опасностями и затрудненіями. Притомъ же изъ прихожанъ Рогожскаго Кладбища многіе не принимали австрійскаго священства, справедливо питая сомнѣніе относительно его законности и правильности. Въ средѣ этихъ рогожцевъ, колеблющихся принять австрійское священство и вмѣстѣ видѣвшихъ совершенное оскуднѣніе бѣгствующихъ іереевъ, которое угрожало имъ крайними затрудненіями въ исполненіи религіозныхъ обязанностей, — въ ихъ средѣ возникла тогда мысль — принять единовѣріе и просить правительство объ открытіи единовѣрческаго прихода на самомъ Рогожскомъ Кладбищѣ, съ обращеніемъ одной и его часовень въ единовѣрческую церковь. Митрополитъ Филаретъ, къ которому и самые даже раскольники питали уваженіе, къ которому почетнѣйшіе изъ нихъ хаживали въ праздники и по другимъ случаямъ, который всегда принималъ ихъ съ особенною предупредительностію ¹⁾, — митрополитъ весьма

¹⁾ Вотъ что между прочимъ рассказываетъ объ этихъ посѣщеніяхъ митрополита Филарета почетными раскольниками В. А. Сапѣлкинъ въ своихъ Воспоминаніяхъ: „Покойный А. Д. Шелалутинъ говорилъ мнѣ: „когда бываемъ у него (митр. Филарета), какъ ласково онъ съ нами обходится! посадить и станетъ бесѣдовать, да таково, братъ, хорошо, что, кажется, и не вышелъ бы!“ Это онъ (Шелалутинъ) говаривалъ мнѣ не одинъ разъ, и я, какъ другу, ему отвѣчалъ на это: Антипъ Дмитричъ! вы у насъ люди умные и почетные, представители нашего общества и все понять умѣете: почему же вы не послѣдуете его доброму и разумному совѣту? — „Ахъ, любезный! — отвѣчалъ онъ бывало, — мы видимъ, что онъ говоритъ дѣло, да послѣдовать-то нельзя его совѣту: бабы-то насъ проклянуть, ей ей“. И это говорилъ человекъ, котораго не мы одни, а и все общество московское уважало за его разумъ“. (Изъ раск. и запис. В. А. Сапѣлкина, стр. 56)

сочувствовалъ предпріятію открыть на Кладбищѣ едино-
вѣрческій приходъ и изъявилъ готовность помогать его
осуществленію. Для рогожскихъ прихожанъ это дѣло было
притомъ облегчено примѣромъ бывшихъ едосѣвцевъ,
успѣвшихъ къ тому времени открыть единовѣрческій при-
ходъ на Преображенскомъ Кладбищѣ, также съ обраще-
ніемъ одной изъ преображенскихъ часовенъ въ церковь.
Первоначально явились къ митрополиту Филарету нѣко-
торые изъ почетныхъ рогожскихъ прихожанъ для объ-
ясненій по сему дѣлу въ 1853 году; но такъ какъ они
„предлагали нѣкоторыя особыя условія, которыхъ нельзя
было принять, чтобы разнообразіемъ не поколебать утвер-
жденныхъ правилъ единовѣрія“¹⁾, да и самое число ихъ
было незначительно, то на этотъ разъ митрополитъ не
нашелъ возможнымъ начать ходатайство объ открытіи
единовѣрческаго прихода на Рогожскомъ Кладбищѣ. Но
въ первой трети слѣдующаго 1854 года явился къ нему
тоже значительный прихожанинъ Рогожскаго Кладбища
В. А. Сапѣлкинъ и объявилъ о своемъ и нѣсколькихъ
своихъ товарищей такомъ же точно желаніи начать дѣло
объ открытіи на Кладбищѣ единовѣрческаго прихода.
Такъ какъ онъ не настаивалъ ни на какія „особенныя
исключительныя правила“ для предполагаемаго прихода
и такъ какъ число единомышленныхъ ему рогожскихъ
старообрядцевъ оказалось достаточнымъ, то митрополитъ
изъявилъ ему полное согласіе содѣйствовать его предпрі-
ятію. Между тѣмъ митрополиту Филарету сообщено было
предложенное Святѣйшему Синоду 16 августа того же
1854 года Высочайшее повелѣніе: „если нѣкоторое число
раскольниковъ, приписанныхъ къ Рогожскому въ Москвѣ
Кладбищу, изъявятъ желаніе присоединиться къ право-
славію, или единовѣрію, то обратитъ для нихъ въ право-
славную или единовѣрческую церковь одну изъ молен-

¹⁾ Подлинныя слова м. Филарета въ донесеніи Св. Синоду: *Собр. митній и отзывовъ...* т. дополн. стр. 398.

ныхъ, находящихся на упомянутомъ Кладбищѣ“¹⁾. Осно-
вываясь на этомъ Высочайшемъ повелѣніи, митрополитъ
могъ уже съ полною увѣренностію приступить къ дѣлу,
о которомъ имѣлъ передъ тѣмъ словесныя объясненія съ
Сапѣлкинымъ. 17 сентября онъ принялъ отъ этого послѣд-
няго формальное прошеніе цѣлаго общества старообряд-
цевъ, чтобы на Рогожскомъ Кладбищѣ, „при которомъ
они воспитаны“ и гдѣ „лежатъ предки“ ихъ, одну изъ
трехъ часовенъ, „которая окажется удобнѣе“, „освятить
на церковь по древнему чиноположенію“. Желаніе быть
прихожанами просимой церкви „письменно изъявили 26
человѣкъ, а съ семействами болѣе 100 душъ“²⁾. Немед-
ленно послѣ этого митрополитъ сдѣлалъ распоряженія о
скорѣйшемъ удовлетвореніи просьбы рогожскихъ старо-
обрядцевъ. Для обращенія въ церковь избрана была
меньшая изъ трехъ часовенъ, въ сравненіи съ двумя
другими, обширными и великолѣпными,—довольно убогая,
но представлявшая то удобство, что она имѣла „готовую
мѣстность для алтаря“. Надобно полагать, что при этомъ
имѣлось въ виду и то опасеніе, какъ бы отобраніемъ
одной изъ обширныхъ, богато украшенныхъ часовенъ не
раздражить рогожскихъ раскольниковъ и не вызвать на
открытое противодѣйствіе, что могло бы повредить ожи-
давшемуся доброму вліянію на рогожцевъ учреждаемаго
на Кладбищѣ единовѣрческаго прихода. Въ 23-й день
того же сентября мѣсяца избранная часовня освящена
была въ церковь святителя Николая съ положеніемъ
древняго антиминса, освященнаго патриархомъ Филаре-
ретомъ. О всемъ этомъ митрополитъ сдѣлалъ Святѣйшему
Синоду подробное донесеніе, въ которомъ нашелъ нуж-

¹⁾ Это Высочайшее повелѣніе, въ связи съ другими мѣрами къ уси-
ленію надзора за раскольниками Рогожскаго Кладбища, послѣдовало
9 августа 1854 года (См. *Сборн. пост. по части раск.* вып. 2-й
стр. 426).

²⁾ Въ этомъ числѣ находился и г-нъ Шибавъ, нынѣ одинъ изъ
главныхъ ревнителей австрійскаго лжесвященства.

нымъ изложить и причины, побуждавшія его „удовлетворить прошенію новыхъ единовѣрцевъ, не отлагая до умноженія числа ихъ“. Достоиню вниманія особенно то, что одну изъ главныхъ, побудившихъ къ тому, причинъ, указалъ онъ въ особомъ положеніи „новыхъ единовѣрцевъ“ среди рогожскаго раскольническаго общества и въ примѣчаемомъ распространеніи среди раскольниковъ австрійской епископальной епархіи. „Они, — писалъ митрополитъ о новыхъ единовѣрцахъ, основавшихся на Рогожскомъ Кладбищѣ, — своею рѣшимостію совершили подвигъ, въ которомъ надлежало ихъ неукоснительно поддерживать: потому что хотя между ими есть весьма значительныя лица по разсудительности, благонамѣренности и положенію въ обществѣ, но рогожскій расколъ имѣетъ еще неукротенныхъ поборниковъ, сильныхъ богатствомъ и привычнымъ на другихъ вліяніемъ, и возбуждаемыхъ корыстными видами, и сіи люди расположенныхъ къ миру съ церковію стараются разстроивать то лжеумствованіями, то укоризнами, то покушеніемъ вредить имъ въ дѣлахъ. Тяготѣющая надъ раскольническимъ многочисленіемъ сила богатыхъ и ожесточенныхъ расколоводителей дѣйствительно такова, что многіе, особенно маломощные, не смѣютъ обнаружить своего расположенія къ церкви, хотя и имѣютъ оное... Въ сихъ обстоятельствахъ нужно было явнымъ дѣломъ показать, что расколъ не есть непобѣдимъ и *плѣнникамъ раскола въ самомъ мѣстѣ ихъ плѣна открыть свободный входъ въ церковь*“. Далѣе объ Австрійской епископальной митрополитъ писалъ: „Уже нѣсколько лѣтъ извѣстно, что деньгами и происками рогожскихъ раскольниковъ устроена за границею епископальной епархіи Бѣлокриницкая; что тамъ поставлены для русскихъ раскольниковъ два епископа; что они, подъ гражданскими именами и званіемъ, тайно бывають въ Москвѣ и въ другихъ городахъ, и ставятъ для раскольниковъ лжесвященниковъ... Не нужно объяснять, какъ опасно для словеснаго стада, когда волки уже не отвѣ видимо напа-

даютъ, но среди овецъ въ овчей одеждѣ, не усмотрѣнные стражами, ходять. Долгъ вѣрности къ святой церкви и къ благочестивѣйшему Императору не позволяетъ мнѣ скрыть и той мысли, что допущеніе и даже покровительство иновѣрнымъ иностраннымъ правительствомъ нелѣпой Бѣлокриницкой епископальной епархіи едва ли можетъ быть изъяснено иначе, какъ недобрымъ намѣреніемъ простирать чрезъ нее недоброе вліяніе на Россію въ религіозномъ и государственномъ отношеніи. Итакъ, по всѣмъ соображеніямъ надобно было неукоснительно воспользоваться законно представившимся случаемъ *посвятить доброе сѣмя на землѣ Рогожскаго Кладбища, на которой выросло и съ которой разнесено столько злыхъ плевелъ*“¹⁾. Донесеніе митрополита Филарета было представлено на Высочайшее воззрѣніе, и Императоръ Николай собственноручно надписалъ на немъ: „Слава Богу, хорошее начало“²⁾.

Полагалось, дѣйствительно, доброе начало; на землѣ Рогожскаго Кладбища, заросшей плевелами, было, дѣйствительно, посѣяно доброе сѣмя, и плѣнникамъ раскола открывался свободный входъ въ церковь на самомъ мѣстѣ ихъ плѣна. И государь и митрополитъ, безъ сомнѣнія надѣялись, что, съ открытіемъ единовѣрческой церкви и единовѣрческаго прихода на самомъ Рогожскомъ Кладбищѣ, начнется усиленное присоединеніе раскольниковъ къ единовѣрцію, что современемъ и двѣ главныя часовни будутъ обращены въ единовѣрческіе храмы, и Рогожское Кладбище перестанетъ быть главнымъ центромъ поповщинскаго раскола, чѣмъ будетъ нанесенъ этому послѣднему рѣшительный ударъ. Рогожскіе раскольники хорошо понимали, къ чему стремится правительство, и готовы были бы оказать ему всякое противодѣйствіе, если бь

¹⁾ Донесеніе м. Филарета Св. Синоду 25 сент. 1854 г. (*Собр. митрій...* т. дополн. № 109).

²⁾ См. тамъ же стр. 405.

имѣли къ тому возможность. Но обстоятельства были именно таковы, что не представлялось къ тому никакой возможности. Раскольники излили только свою злобу на Сапѣлкина, котораго считали главнымъ виновникомъ совершившагося на Кладбищѣ, прискорбнаго для нихъ, событія¹⁾; но отклонить и этотъ и ожидавшіе ихъ далѣе удары были не въ силахъ, видя и чувствуя твердую рѣшимость правительства положить конецъ незаконному существованію раскола на Рогожскомъ Кладбищѣ, видя и принимаемыя къ тому настойчивыя мѣры. Еще въ августѣ 1854 года по Высочайшему повелѣнію назначенъ былъ въ смотрители на Рогожское Кладбище статскій совѣтникъ Мозжаковъ, человекъ неподкупной честности, энергическій и искусный исполнитель возлагавшихся на него полицейскихъ обязанностей. Эти качества свои, честность, энергію и искусство, онъ обнаружилъ особенно, исполняя порученіе правительства объ арестованіи прибывшаго въ Москву изъ Бѣлой-Криницы сотрудника Павлова въ учрежденіи іерархіи — Геронтія, за которымъ неусыпно слѣдилъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Послѣ этого министръ Внутреннихъ Дѣлъ графъ Перовскій предписалъ ему оставаться въ Москвѣ для наблюденія за дальнѣйшими сношеніями московскихъ раскольниковъ съ иностранными, поручивъ ему, какъ и прежде, доставлять свои донесенія, минуя московскихъ правителей, прямо въ министерство чрезъ чиновника особыхъ порученій при министрѣ Н. И. Надеждина. Цѣня его способности и опытность, Императоръ Николай Павловичъ, наконецъ, и назначилъ его смотрителемъ Рогожскаго Кладбища съ тою именно цѣлію, чтобы „наблюдаль здѣсь за точнымъ испол-

¹⁾ Какими ругательствами и притѣсненіями раскольники Рогожскаго Кладбища преслѣдовали В. А. Сапѣлкина, объ этомъ онъ самъ рассказываетъ въ своихъ Запискахъ (См. стр. 13—14, 58—59); но главный способъ отомстить ему они нашли въ томъ, что ставили ему препятствія въ его торговыхъ дѣлахъ, вслѣдствіе чего они и пришли наконецъ въ полное разстройство.

неніемъ законныхъ постановленій“, при чемъ однако онъ порученъ былъ „руководству и распоряженію московскаго военнаго генераль-губернатора“¹⁾. Мозжаковъ, въ качествѣ смотрителя Рогожскаго Кладбища, исполнялъ свои обязанности съ безпримѣрнымъ усердіемъ, — никакой беспорядокъ, никакое отступленіе отъ „законныхъ постановленій“ не ускользали отъ его вниманія и были преслѣдуемы съ неумолимой строгостью; доступъ на Кладбище поамъ австрійскаго поставленія сдѣлался крайне затруднителенъ, и только по временамъ, благодаря покровительству мелкихъ полицейскихъ чиновниковъ, имъ удавалось проникать сюда; всѣ старанія прилагалъ онъ и къ тому, чтобы поймать появившихся въ Москвѣ, за стѣнами Кладбища, австрійскихъ поповъ и самого ихъ архіепископа Антонія Шутова, которые спасались также благодаря только снисходительности къ нимъ мелкихъ полицейскихъ чиновъ, покупаемой дорогою цѣною²⁾. Время,

¹⁾ Высочайшій приказъ о назначеніи Мозжакова въ смотрители Кладбища послѣдовалъ 9 августа 1854 г.; въ томъ же приказѣ содержалось, а) распоряженіе о томъ, чтобы „по приведеніи въ извѣстность состоянія Рогожскаго Кладбища, войти въ разсмотрѣніе о дальнѣйшемъ устройствѣ онаго и представить на Высочайшее благоусмотрѣніе“, и б) упомянутое выше распоряженіе о обращеніи одной изъ рогожскихъ часовенъ въ православную или единовѣрческую церковь, если нѣкоторое число прихожанъ изъявятъ желаніе присоединиться къ церкви. Всѣ эти распоряженія вызваны были именно доставленными отъ Мозжакова „свѣдѣніями о сношеніяхъ главныхъ раскольниковъ Рогожскаго въ Москвѣ Кладбища съ раскольниками иностранными, а равно и о томъ, что попечители сего Кладбища, въ видахъ поддержанія и распространенія раскола, дозволяютъ себѣ дѣйствія, законами воспрещенныя“ (См. *Собр. Пост.* выш. 2, стр. 426).

²⁾ О томъ, какъ искусно Мозжаковъ отыскивалъ и накрывалъ раскольническихъ поповъ — ставленниковъ Антонія, нѣкоторыя извѣстія находятся въ Запискахъ В. А. Сапѣлкина (стр. 47 и слѣд.); о поискахъ за Антоніемъ Шутовымъ повѣствуетъ и Швецовъ въ напечатанной нами біографіи Антонія, довольно вѣрно изображая его скитанія и укрывательства отъ производившихся Мозжаковымъ розысковъ, отъ которыхъ будто бы спасали Антонія большею частію не

когда Мозжаковъ былъ смотрителемъ Кладбища, и донынѣ вспоминается рогожцами, какъ одно изъ самыхъ тяжелыхъ. На основаніи его донесеній, правительствомъ дѣлались немедленные распоряженія объ искорененіи замѣченныхъ на Рогожскомъ Кладбищѣ безпорядковъ и противозаконностей¹⁾). Вновь назначенный министръ Внутреннихъ Дѣлъ генералъ отъ -инфантеріи Бибиковъ, явившійся ревностнымъ исполнителемъ предначертаній Императора Николая относительно раскола, оказывалъ Мозжакову и довѣріе и поддержку.

Мозжаковъ назначенъ былъ на должность смотрителя незадолго до освященія церкви на Рогожскомъ Кладбищѣ; а спустя два мѣсяца по освященіи (21 ноября) присоединился къ церкви послѣдній изъ бѣглыхъ поповъ на Кладбищѣ — Петръ Ермиловъ. Это обстоятельство имѣло большую важность для Рогожскаго Кладбища: правительству открывалось законное основаніе къ новымъ противъ него мѣропріятіямъ. Съ лишеніемъ послѣдняго дозволеннаго попа, и съ прекращеніемъ доступа новыхъ, Кладбище совершенно утрачивало свой религіозный

случайныя обстоятельства и потворство сыщиковъ, а совершенныя имъ чудеса, къ числу которыхъ отнесено и то, что Антоній прикидывался пьянымъ мужикомъ, или выдавалъ себя за сторожа, нарочно вооружившись ружьемъ (См. *Брат. Сл.* 1883 г. стр. 35, 148, 212). А какіе безпорядки и злоупотребленія напелъ Мозжаковъ на Рогожскомъ Кладбищѣ, объ этомъ даетъ понятіе напечатанная нами его *Записка* о Кладбищѣ (См. *Брат. Сл.* 1889 г. т. II, стр. 550—562).

¹⁾ Такъ 15 декабря 1854 г. послѣдовало Высочайшее повеленіе: „людей, проживающихъ на Рогожскомъ Кладбищѣ и неправильно показанныхъ призрѣваемыми, удалить отсюда на мѣста, къ которымъ они принадлежатъ, съ учрежденіемъ строжайшаго надъ ними надзора, а лишенныхъ ума перевести въ правительственныя богоугодныя заведенія“ (Ср. съ *Запиской* Мозжакова стр. 556—557)... „принять не гласныя, но дѣятельныя мѣры къ отысканію раскольниковъ лже-духовныхъ лицъ и обращать строжайшее вниманіе на тѣхъ московскихъ раскольниковъ, которые какими-либо способами препятствуютъ присоединенію другихъ къ церкви“ (*Собр. постан.* вып. 2, стр. 428).

характеръ и свое значеніе митрополіи бѣглопоповства; а тѣ изъ кладбищенскихъ прихожанъ, которые не расположены были къ принятію австрійскаго священства, оказывались теперь въ крайне затруднительномъ положеніи относительно удовлетворенія религіозныхъ обязанностей, и этимъ самымъ побуждались къ принятію законнаго священства, къ поступленію въ Единовѣріе, водворенное уже на самомъ Кладбищѣ. Тогда дѣйствительно послѣдовало распоряженіе о прекращеніи церковныхъ службъ въ часовняхъ Рогожскаго Кладбища, на томъ основаніи, что за неимѣніемъ священника, который могъ бы отправлять ихъ, онѣ уже болѣе не могутъ имѣть здѣсь мѣста. Неизвѣстно, впрочемъ, въ точности, случилось ли это по распоряженію министерства Внутреннихъ Дѣлъ, или само собою, въ силу необходимости. Такъ въ послѣдствіи писалъ объ этомъ и митрополитъ Филаретъ: „тогда въ остальныхъ двухъ часовняхъ богослуженіе прекратилось или по распоряженію министерства, или, можетъ быть, само собою, потому что правила поповщинскаго толка требуютъ совершенія богослуженія священникомъ“¹⁾). Несомнѣнно только, что это произошло при участіи смотрителя, который находилъ именно, что теперь, когда у раскольниковъ не осталось на Кладбищѣ ни одного попа, не должно быть здѣсь и прежнихъ торжественныхъ служеній, отправлявшихся дозволенными бѣглыми попами. По его представленію послѣдовало даже распоряженіе московскаго генералъ-губернатора объ удаленіи съ Кладбища, какъ ненужныхъ болѣе, многочисленныхъ дьячковъ, отличавшихся притомъ всей Москвѣ извѣстными безобразіями²⁾). При такомъ положеніи дѣла возникла на-

¹⁾ Донесеніе Св. Синоду 16 февраля 1856 г. (*Собр. мѣстн.*... т. 4, стр. 80).

²⁾ Въ *Запискѣ* своей Мозжаковъ пишетъ: „До 1854 года было на Рогожскомъ Кладбищѣ около 40 дьячковъ, самыхъ буйныхъ и пьяныхъ. Почти каждый изъ нихъ имѣлъ у себя любовницу богатую даскольницу.... Впослѣдствіи, когда устроилась на Кладбищѣ церковь,

дежда на быстрое умноженіе числа прихожанъ рогожской единовѣрческой церкви и на обращеніе даже большихъ рогожскихъ часовенъ въ единовѣрческіе храмы, что было бы равносильно уничтоженію самаго Кладбища. „Единовѣрцы, — писалъ тогда митрополитъ Филаретъ, — желали и большую часовню освятить въ церковь; православные также сего желали и надѣялись; нѣкоторые, колеблющіеся между расколомъ и православіемъ ожидали сего, дабы принять сіе, какъ знаменіе сильнѣе утвердившагося единовѣрія, и присоединиться къ нему. Сего можно было ожидать особенно отъ тѣхъ, болѣе благонамѣренныхъ раскольниковъ, которые не расположены были признать раскольническую лжеіерархію заграничную“¹⁾. Между тѣмъ, въ октябрѣ 1854 года, послѣдовало распоряженіе о строжайшемъ примѣненіи къ раскольникамъ закона о купеческихъ гильдейскихъ повинностяхъ, коимъ требовалось отъ предъявителей купеческихъ капиталовъ удостовѣреніе о принадлежности къ православной церкви, и слѣдовательно у раскольниковъ отнимались всѣ купеческія права. Законъ этотъ въ отношеніи къ расколу, главную силу котораго составляютъ именно капиталисты-раскольники, имѣлъ чрезвычайную важность: онъ подрывалъ расколъ въ самомъ его корнѣ. Богатые раскольники изъ прихожанъ Рогожскаго Кладбища, которыми оно собственно и держалось, поставлены были въ необходимость избрать одно изъ двухъ: или отказаться отъ купеческихъ правъ и привилегій, съ которыми соединились и ихъ благосостояніе и, что еще важнѣе, свобода отъ воинской повинности, или оставить расколъ, идти въ церковь, еще ближе въ единовѣріе, которое существовало уже на самомъ Кладбищѣ и готово было водво-

а священникъ Петръ Ермиловъ Русаковъ присоединился къ единовѣрію, всѣ дьячки, по распоряженію бывшаго тогда генералъ-губернатора Закревскаго, высланы изъ Кладбища“ (Брат. Сл. 1889 г. т. II, стр. 553).

¹⁾ Донес. 16 февр. 1856 г. (Собр. митрій... т. 4, стр. 80).

рится даже въ главныхъ его часовняхъ. Тѣ изъ нихъ, которые самымъ положеніемъ раскола на Рогожскомъ Кладбищѣ были уже предрасположены къ принятію единовѣрія, безъ колебанія заявляли теперь о своемъ желаніи присоединиться къ церкви; къ тому же рѣшенію, по необходимости, склонились и другіе богатые рогожцы, не желавшіе утратить свои купеческія права. Начались постоянныя присоединенія къ единовѣрію; особенно же въ послѣдніе дни декабря 1854 г., когда наступилъ послѣдній срокъ внесенія капиталовъ на новый годъ, присоединенія раскольниковъ къ единовѣрію были такъ многочисленны, что священники московскихъ единовѣрческихъ церквей не имѣли даже возможности соблюсти законную и формальную правильность въ исполненіи этого дѣла. По свидѣтельству митрополита Филарета, съ сентября мѣсяца 1854 г., когда послѣдовало освященіе единовѣрческой церкви на Рогожскомъ Кладбищѣ, до конца января 1855 г. „присоединилось изъ поповщинской секты (то-есть изъ прихожанъ Рогожскаго Кладбища) къ единовѣрію душъ обоюго пола 1451“¹⁾. Въ этомъ числѣ много было, разумѣется, присоединившихся только по нуждѣ, противъ желанія, не искренно, безъ убѣжденія въ правотѣ церкви и гибельности раскола; но, какъ свидѣтельствуется опытомъ, и изъ такихъ, не искренно присоединившихся, выходили современемъ истинные единовѣрцы, искренно преданные церкви: поэтому и къ нимъ нельзя было относиться съ особенной разборчивостью, или строгостью даже съ церковной точки зрѣнія. Затѣмъ, несомнѣнно большую половину присоединившихся составляли старообрядцы уже подготовленные къ единенію съ церковію предшествующими событіями на Рогожскомъ Кладбищѣ. Вообще же число единовѣрцевъ изъ бывшихъ прихожанъ Рогожскаго Кладбища было теперь такъ зна-

¹⁾ Пис. къ испр. д. оберъ-прок. 4 марта 1855 г. (Собр. митрій, т. 4, стр. 8).

чительно, что являлось достаточное, вполне законное основание къ обращенію и обширныхъ часовенъ Кладбища въ единовѣрческіе храмы, чрезъ что былъ бы нанесенъ рѣшительный ударъ и Рогожскому Кладбищу и тѣсно связанному съ нимъ всему поповщинскому расколу.

Итакъ „доброе начало“, которое съ благодарностію Богу привѣтствовалъ Императоръ Николай въ освященіи первой единовѣрческой церкви на Рогожскомъ Кладбищѣ, приводилось къ вождѣльному концу, — на очереди стоялъ именно вопросъ — быть, или не быть Рогожскому Кладбищу, и самыя обстоятельства указывали, что рѣшеніе должно послѣдовать не въ пользу его существованія. Но произошло иное, по недовѣдомымъ судьбамъ промысла Божія, испытующаго православную русскую церковь продолжительностію и живучестію возникшаго въ ней раскола. 18 февраля, послѣ кратковременной болѣзни, неожиданно скончался благочестивѣйшій Государь Императоръ Николай Павловичъ. Можно сказать съ полною рѣшительностію, что раскольники не раздѣляли общей тогда скорби русскаго народа, пораженнаго этимъ печальнымъ событіемъ. Если не многіе изъ нихъ, и только въ своемъ обществѣ, рѣшались открыто выразить свою радость по поводу кончины государя — поборника православной церкви, то всѣ рѣшительно оживились надеждою наступленія лучшихъ временъ для раскола, — надеждою устранить положенныя въ минувшее царствованіе препоны къ его упроченію и процвѣтанію. Всего скорѣе и съ особенною ясностію сказалось это у раскольниковъ Рогожскаго Кладбища, со страхомъ ожидавшихъ приближавшагося окончательнаго его закрытія. Любопытно, что еще за нѣсколько времени до кончины Императора Николая было замѣчено у рогожцевъ оживленіе надеждою на улучшеніе ихъ положенія, — можно догадываться, что тогдашніе главари ихъ желали поддержать въ нихъ бодрость и преданность расколу сообщеніемъ ложныхъ слуховъ объ изданныхъ якобы въ ихъ пользу новыхъ узаконеніяхъ. Митрополитъ Фила-

реть писалъ исправлявшему должность оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода: „До нынѣшняго (1885) года рогожскіе расколоводители хотя старались удерживать раскольнической народъ отъ присоединенія къ единовѣрцію, но не было примѣтно особенныхъ оказательствъ. Въ нынѣшнемъ году начались оказательства. 23 генваря было необыкновенно большое собраніе раскольниковъ въ часовнѣ и употребленъ былъ обрядъ, употребляемый по уставу только въ Пасху — поставленіе среди храма большой курильницы съ ладаномъ. Изъ развѣдыванія смотрителя Рогожскаго Кладбища видно, что собраніе сіе созвано было чрезъ нарочныхъ, для слушанія, будто бы, въ пользу раскольниковъ указа. Слухи приписываютъ сіе дѣло расколоводителю купцу Свѣшникову и попечителю Зеленкову¹⁾. По полученіи же извѣстія о кончинѣ Императора Николая, рогожцы немедленно показали немислимую передъ тѣмъ смѣлость въ противленіи законнымъ требованіямъ власти: въ теченіе двухъ дней они упорно отказывались принести присягу на вѣрноподданство новому Государю, какъ требовалъ законъ, предъ православнымъ священникомъ, и только уже кроткія увѣщанія митрополита Филарета, пригласившаго къ себѣ съ сою цѣлю двухъ попечителей и трехъ вліятельныхъ прихожанъ Рогожскаго Кладбища, склонили ихъ наконецъ подчиниться закону²⁾. Тогда же многіе изъ притворно присоединившихся къ единовѣрцію стали возвращаться снова въ расколъ, и австрійскіе попы, даже самъ Антоній, съ меньшею осторожностію начали являться въ Москву.

Во всемъ этомъ митрополитъ Филаретъ справедливо видѣлъ „немаловажные признаки, что рогожскіе расколоводители начинаютъ дѣйствовать съ большею противъ прежняго смѣлостію и надеждою на себя“. Въ сихъ обстоятель-

¹⁾ Пис. отъ 4 марта 1855 г. (*Собр. мѣній*, т. 4, стр. 8).

²⁾ См. донесеніе объ этомъ м. Филарета Св. Синоду отъ 7 марта 1855 г. (*Собр. мѣній*, т. 4, стр. 11—13).

ствахъ, — писалъ онъ, — особенно много значить сохраненіе правилъ, данныхъ въ Бозѣ почившимъ, благочестивѣйшимъ Государемъ Императоромъ Николаемъ Павловичемъ въ отношеніи къ расколу. При неизмѣнномъ сохраненіи сихъ правилъ, открывшіяся оказательства раскола лишатся своего значенія и останутся безъ послѣдствій. Но если бы расколоводители достигли, въ видѣ снисхожденія, нѣкотораго изъятія изъ оныхъ въ свою пользу, то они не преминули бы выставить сіе предъ простонародіемъ, какъ свое преимущество, усилили бы свое стремленіе къ тому, чтобы образоваться въ сомкнутую отдѣльность отъ общаго государственнаго устройства (*status in statu*) и, между многочисленными въ разныхъ епархіяхъ единовѣрцами, менѣе утвержденныхъ могли бы поколебать, и такимъ образомъ ослабить единовѣрческія церкви, а также и кроющаяся въ норахъ лжеіерархія могла бы получить болѣе смѣлости продолжать свои вредныя дѣйствія“. Изложивъ эти свои соображенія въ письмѣ къ исправлявшему тогда должность оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода тайному совѣтнику Карасевскому, — соображенія, оказавшіяся, къ прискорбію, пророчествомъ, митрополитъ предлагалъ г-ну Карасевскому на разсужденіе — „не нужно ли довести оныя до высочайшаго свѣдѣнія“¹⁾. Не знаемъ, были ли доведены до свѣдѣнія Государя эти въ высшей степени вѣрныя и, повторяемъ, какъ бы пророческія указанія; но если самъ Императоръ Александръ Николаевичъ и былъ тогда проникнутъ желаніемъ неуклонно слѣдовать предначертаніямъ своего незабвеннаго Родителя въ дѣйствованіи относительно раскола, то въ окружавшихъ его, въ самыхъ правительственныхъ лицахъ, особенно въ такъ называемыхъ руководителяхъ такъ называемаго общественнаго мнѣнія, уже замѣтно стали проявлять себя извѣстныя но-

¹⁾ Пис. къ А. И. Карасевскому отъ 7 марта 1855 г. (*Собр. мн.* т. 4, стр. 10—11).

выя вѣянія, совершенно противныя духу предшествовавшаго царствованія, а слѣдственно и тѣмъ соображеніямъ о сохраненіи прежняго образа дѣйствованія въ отношеніи къ расколу, которыя такъ убѣдительно были изложены митрополитомъ Филаретомъ. Раскольническіе вожди на Рогожскомъ Кладбищѣ чутко прислушивались къ новымъ вѣяніямъ, и начали съ большею и большею смѣлостью искать отмѣны прежнихъ стѣсненій раскола, — вообще стремиться къ тому, чего такъ опасался митрополитъ Филаретъ при первыхъ проявленіяхъ раскольническаго самовольства по кончинѣ Императора Николая. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ они подаютъ уже на Высочайшее имя прошеніе, въ которомъ именно жалуются на отобраніе у нихъ, на Рогожскомъ Кладбищѣ „молитвенныхъ храмовъ“¹⁾, на

¹⁾ Вотъ какое замѣчаніе на этотъ пунктъ прошенія сдѣлано митрополитомъ Филаретомъ: „Просители пишутъ: „молитвенные храмы ихъ, строобрядцевъ, воздвигнутые на отведенномъ предкамъ ихъ правительствомъ мѣстѣ за Рогожскою, въ Москвѣ, заставою, кромѣ двухъ часовень, отобраны“. Если просители хотятъ утверждаться на первоначальномъ распоряженіи правительства, то всѣ ихъ часовни и прочія строенія должно у нихъ отобрать или уничтожить, потому что мѣсто отведено правительствомъ для больницы и кладбища пораженныхъ чумою, а не для раскольническихъ заведеній. Можно подумать, что уже много у нихъ и отнято, когда они пишутъ, что отняты молитвенные ихъ храмы, кромѣ двухъ часовень. Храмъ больше, нежели часовня. И такъ слова ихъ представляютъ такой смыслъ, что у нихъ отняты многіе важнѣйшіе храмы, а только оставлены имъ менѣе важныя двѣ часовни. Но то ли на самомъ дѣлѣ? Двѣ огромныя часовни, великолѣпно украшенныя, остаются у нихъ неприкосновенными, а взята одна малая. Часовни, какъ и церкви, суть достойныя, посвященное Богу, не принадлежащее частнымъ лицамъ, но для употребленія принадлежащее всему обществу, къ нимъ принадлежащему. Нынѣшнее общество рогожскихъ единовѣрцевъ было прежде въ составѣ общества рогожскихъ раскольниковъ, участвовало во вкладахъ въ часовни и имѣло право съ прочими пользоваться ими. Отдѣляясь отъ раскольниковъ, и притомъ входя изъ незаконнаго въ законное положеніе, единовѣрцы имѣли право взять одну изъ часовень и въ уваженіе своей законности могли требовать лучшей изъ часовень. Но они поступили скромно и испросили меньшую. Итакъ

неимѣніе священниковъ, и просятъ о дозволеніи безпрепятственно имѣть таковыхъ. Тогда же, конечно, по внушенію отъ главарей Рогожскаго Кладбища, представили подобнаго содержанія всеподданнѣйшее прошеніе поповцы города Богородска съ уѣздомъ, подписанное очень многими лицами¹⁾. Замѣчательную особенность поданныхъ тогда раскольниками прошеній, по справедливому замѣчанію митрополита Филарета, составляло то обстоятельство, что въ нѣкоторыхъ видно участіе „человѣка, имѣющаго ученую образованность“, — что, значить, на помощь расколу уже явились тогда упомянутые руководители общественнаго мнѣнія²⁾. Для подачи прошеній и вообще для хлопотъ предъ правительствомъ начались поѣздки въ Петербургъ главныхъ тогда рогожскихъ дѣятелей — Свѣшникова, Бутикова, Муравлева, Гаранина, — и надобно полагать, что они возвращались въ Москву обна-

безъ преувеличенія можно сказать, что вышеозначенная статья прошенія раскольниковъ написана не только ложно, но и безсовѣстно“. (*Собр. мн.* т. 4, стр. 45—46).

¹⁾ По этому поводу м. Филаретъ замѣчилъ: „Чтобы собрать сіи подписи, надобно было или созвать въ одно мѣсто изъ города и уѣзда большое скопище раскольниковъ, или послать агентовъ по селеніямъ, чтобы подговаривать раскольниковъ къ подписанію... Не хорошъ былъ бы открытый *митингъ* раскольническій; но и подобное дѣйствіе, сокрытое отъ правительства, менѣе ли худо?“ (Тамъ же, стр. 46—47).

²⁾ См. тамъ же, стр. 30. Нѣсколько ранѣ поданы всеподданнѣйшія прошенія о дарованіи болѣе свободы расколу и отъ раскольниковъ Преображенскаго Кладбища. Всѣ эти прошенія — и преображенцевъ и рогожцевъ — министромъ Бибиковымъ были препровождены 8 іюня 1855 г. къ м. Филарету для „сообщенія по онымъ соображеніямъ и заключеніямъ“. Примѣчательно, что митрополитъ Филаретъ, вопреки своему обычаю, долго медлилъ отвѣтомъ, можетъ быть, именно смущенный измѣняющимися правительственными отношеніями къ расколу, и уже только въ сентябрѣ, по новой просьбѣ отъ новаго министра — Ланскаго, препроводилъ къ нему свой отзывъ о раскольническихъ прошеніяхъ, изъ котораго мы привели выше нѣкоторые мѣста.

деженные на успѣхъ ихъ прошеній. Весною того же 1855 года между рогожцами было распространено „подложное опредѣленіе правительствующаго Сената о новыхъ якобы преимуществахъ, даруемыхъ Рогожскому Кладбищу“, и это сдѣлано было въ тѣхъ видахъ, чтобы „колеблющихся въ расколѣ удержать отъ присоединенія къ святой церкви“¹⁾.

Новую смѣлость и настойчивость для исканій и хлопотъ въ указанномъ направленіи придадо рогожскимъ раскольникамъ послѣдовавшее въ августъ того же 1855 года увольненіе министра Внутреннихъ Дѣлъ Д. Г. Бибикова и вслѣдъ затѣмъ удаленіе отъ службы на Кладбищѣ смотрителя Мозжакова. Въ министры былъ назначенъ д. т. с. Ланской, — послѣдній изъ наиболѣе видныхъ представителей вымирающаго въ Россіи масонства, не чуждый конечно господствовавшихъ въ масонствѣ религіозныхъ и социальныхъ ученій. А въ смотрители Рогожскаго Кладбища графъ Закревскій, давно тяготившійся горячею ревностію Мозжакова въ преслѣдованіи раскольническихъ злоупотребленій и уже благосклонно относившійся къ заискиваніямъ раскольниковъ²⁾, назначилъ камеръ-юнкера

¹⁾ Довнесеніе м. Филарета Св. Синоду отъ 16 февр. 1856 г. (*Собр. мн.* т. 4, стр. 80).

²⁾ Такъ упомянутыя выше прошенія раскольниковъ на Высочайшее имя были написаны и поданы съ согласія гр. Закревскаго. Преображенцы даже прямо упомянули объ этомъ въ своемъ прошеніи. По сему поводу м. Филаретъ писалъ въ своемъ отзывѣ: „Особенность сего прошенія составляетъ слѣдующая подъ онымъ подпись: „на поднесеніе всеподданнѣйшаго прошенія испрошено было предварительное соизволеніе московскаго военнаго генераль-губернатора“. Нѣтъ ни закона, ни обычая подписывать подъ прошеніемъ, съ чьего позволенія оно подается. Если проситель почитаетъ свое прошеніе, по совѣсти, справедливымъ и не противнымъ закону, сего довольно, чтобы подать оное. Итакъ если господинъ московскій генераль-губернаторъ дѣйствительно зналъ о намѣреніи раскольниковъ подать всеподданнѣйшее прошеніе и, по правилу терпимости, не возбранилъ сего, сіе не давало раскольникамъ права усиленнымъ образомъ выразить сіе въ подписи подъ прошеніемъ“ (*Собр. мн.* т. 4, стр. 44).

Лонгинова, — того самого М. Н. Лонгинова, который впоследствии явился литератором консервативного направления, а в званіи начальника главного управления по делам печати отличался таковым уже в высшей степени, но тогда, при назначении в должность смотрителя на Кладбище, повидимому, преисполнен был новых, либеральных вѣяній. Отставка Мозжакова составила для рогожцев великій праздник, и праздновалась как несомнѣнный залогъ достижения ихъ дальнѣйшихъ замысловъ¹⁾. В новомъ смотрителѣ они надѣялись в этомъ отношеніи найти себѣ помощника, — и не обманулись в своей надеждѣ. Онъ дѣйствительно поставилъ себѣ задачею постепенно отмѣнять стѣснительныя для рогожцевъ распоряженія своего предмѣстника, на что каждый разъ получалъ разрѣшеніе отъ генералъ-губернатора. В числѣ первыхъ его дѣйствій в этомъ родѣ было дозволеніе возвратиться на Кладбище высланнымъ оттуда пьянымъ и развратнымъ дьячкамъ?²⁾ Затѣмъ послѣдовало, уже съ разрѣшенія министра, и дозволеніе открыть давно запрещенное, за отсутствіемъ поповъ, богослуженіе въ рогожскихъ часовняхъ³⁾. По поводу этого послѣдняго

1) Самъ Мозжаковъ в докладной запискѣ министру, писанной послѣ отставки, 2 ноября 1855 г., говоритъ: „До вступленія моего въ должность смотрителя Рогожскаго Кладбища скрывались тамъ поставленные заграничнымъ епископомъ поны Егоръ и Максимъ, которые тайно исправляли всѣ раскольническія требы. Это видно изъ рапорта моего министру Внутреннихъ Дѣлъ отъ 28 іюня 1855 г. № 88. Для прекращенія впредь подобныхъ безпорядковъ приняты были мною самыя строгія мѣры, вслѣдствіе коихъ не только самъ я лично, но и чрезъ агентовъ своихъ долженъ былъ слѣдить за всякимъ шагомъ раскольниковъ. Вотъ истинная причина, которая не нравилась попечителямъ Кладбища и вообще раскольникамъ. *Не могли дѣлать того, что имъ хотѣлось, они употребляли всѣ происки, чтобы сжить меня съ своихъ рукъ*“ (Рки. Публ. Библ. № 693, т. I, л. 187).

2) Сдѣланныя тогда раскольникамъ послабленія Лонгиновъ самъ исчислилъ, какъ заслугу съ своей стороны, въ рапортѣ Закревскому. См. прилож. № 1.

3) Рогожскіе единовѣрцы впоследствии писали объ этомъ: „часовни

распоряженія возникло одакоже цѣлое дѣло, о которомъ мы намѣрены сказать съ нѣкоторою подробностію, такъ какъ въ немъ ясно обнаруживается, съ какою смѣлостію начали тогда дѣйствовать рогожскіе раскольники для осуществленія своихъ замысловъ и на чемъ основывалась, на что главнымъ образомъ опиралась эта ихъ смѣлость.

Ни смотритель Рогожскаго Кладбища, ни самъ московскій генералъ-губернаторъ не считали себя въ правѣ дать раскольникамъ разрѣшеніе — открыть на Кладбищѣ богослуженіе послѣ продолжавшагося слишкомъ годъ запрещенія. Они сообщили рогожцамъ, что разрѣшенія на это надобно просить у высшаго правительства. Графъ Закревскій только уполномочилъ ихъ сообщить министру, что самъ онъ съ своей стороны признаетъ незаконнымъ воспрещеніе службъ на Рогожскомъ Кладбищѣ и полагаетъ, что воспрещеніе это должно быть отмѣнено¹⁾. Раскольническіе ходатаи дѣйствительно ѣздили, конечно, не съ пустыми руками, въ Петербургъ, — и вотъ 15 января 1856 г. послѣдовало отношеніе отъ министра Внутреннихъ Дѣлъ на имя графа Закревскаго о дозволеніи раскольникамъ открыть богослуженіе на Рогожскомъ Кладбищѣ, о чемъ г. Лонгиновъ съ особымъ удовольствіемъ и возвѣстилъ попечителямъ. Въ первый же послѣ этого воскресный день назначено было торжественное открытіе богослуженія в теплой часовнѣ Рогожскаго Кладбища. Въ субботу, 21 числа, была отслужена вечерня, а въ слѣдующій день служили утреню и часы: раскольниковъ за службою въ воскресенье, даже по официальному извѣстію, было до 3000 человекъ²⁾.

были безъ служенія съ 1854 до 1856 года, въ коемъ, по невѣдомымъ судьбамъ, 21 января открылась служба, и прежде бывшіе простолюдины пѣвчіе допущены къ отправленію оной“ (*Собр. митрій*, т. 4, стр. 94).

1) Объ этомъ упоминаетъ самъ Ланской: см. Докладъ его въ приложеніи № 3.

2) См. Рапортъ смотрителя гр. Закревскому (прилож. №1).

Съ этихъ поръ начались на Рогожскомъ Кладбищѣ постоянныя служенія, для отправленія которыхъ являлся даже пощъ австрійскаго поставленія, Крининъ, не державшій однако облачатся при этомъ въ священническія облаченія¹⁾. Служба 22-го числа, при такомъ громадномъ стеченіи раскольниковъ, имѣла характеръ открытой демонстраціи противъ православныхъ и особенно противъ ненавистныхъ рогожцамъ единовѣрцевъ, водворившихся на самомъ ихъ Кладбищѣ, — предъ ними раскольники не только не скрывали своего торжества, но и намѣренно старались дать имъ почувствовать это свое торжество, свою начинающуюся силу. Произведеннымъ съ такою намѣренною торжественностію открытіемъ службъ на Рогожскомъ Кладбищѣ очень смущены были и московскіе единовѣрцы, и всѣ ревнители православія²⁾. Одинъ изъ сихъ послѣднихъ, іеромонахъ Парѣеній, получившій тогда нѣкоторую извѣстность своимъ „Сказаніемъ о странствіи и путешествіи по Святой землѣ“, много потрудившійся потомъ въ борьбѣ съ расколомъ, написалъ о происходившемъ на Кладбищѣ въ Петербургѣ, одному лицу, близкому къ особѣ Государя: письмо было представлено Его Величеству. Государь Императоръ лично передалъ его министру Внутреннихъ Дѣлъ для наведенія надлежащихъ справокъ объ изложенныхъ въ немъ обстоятельствахъ. Министръ въ свою очередь препроводилъ письмо о. Парѣенія къ московскому генералъ-губернатору, прося у него объясненій по содержанію письма. Графу Закревскому, безъ сомнѣнія, извѣстно было не только объ открытіи богослуженія въ часовнѣ Рогож-

¹⁾ См. Донес. м. Фил. Св. Синоду (прилож. № 4).

²⁾ Единовѣрцы писали впоследствии: „Чрезвычайно снмъ (открытіемъ службы) возгордились послѣдователи секты, стекаются въ великомъ количествѣ къ службѣ въ часовню и разглашаютъ, что имъ дозволено будетъ вскорѣ имѣть поповъ, чѣмъ слабыхъ братій, перешедшихъ въ церковь, увлекаютъ въ прежнее заблужденіе. Обращеніе къ церкви пресѣклось и на истинныхъ ея послѣдователяхъ величайшая лежитъ скорбь и сѣтованіе“ (*Собр. митій* т. 4, л. 94).

скаго Кладбища, на что, по полученіи разрѣшенія отъ министра, самъ онъ уполномочилъ раскольниковъ, но и то, какъ открытіе это совершилось, о чемъ, конечно, не преминулъ донести ему смотритель Кладбища, имѣвшій у него всегдашній доступъ и полное довѣріе. Однакоже, соблюдая порядокъ дѣлопроизводства, онъ потребовалъ отъ этого послѣдняго, секретнымъ предписаніемъ 12 февраля, письменнаго донесенія о томъ, не происходило ли на Кладбищѣ при открытіи богослуженія какихъ беспорядковъ и столкновеній между раскольниками и единовѣрцами. 18-го числа смотритель Лонгиновъ уже представилъ графу Закревскому обширный „рапортъ“ по поводу полученнаго имъ предписанія. Написанной бойко, литературнымъ языкомъ, чего и слѣдовало ожидать отъ такого смотрителя, какъ Лонгиновъ, этотъ официальный за номеромъ документъ очень интересенъ въ томъ отношеніи, что представляетъ собою яркій образчикъ того подчиненія новымъ вѣяніямъ, равно какъ той свободы и развязности, съ какими выступили, или выступали тогда на защиту раскола и либеральная печать и либеральное чиновничество, отъ высшаго до низшаго. „Рапортъ“ смотрителя Лонгинова поэтому заслуживаетъ особаго вниманія¹⁾.

Г. Лонгиновъ начинаетъ свой „рапортъ“ самой рѣзкой критикой правительственныхъ распоряженій на Рогожскомъ Кладбищѣ, происходившихъ до поступленія его самого на должность кладбищенскаго смотрителя, не щадя при этомъ не только своего предшественника — Можжикова, о которомъ говорить съ крайнимъ негодованіемъ, но и „бывшаго министра“, даже самого покойнаго Императора, такъ какъ министръ былъ только вѣрнымъ

¹⁾ Мы печатаемъ его въ приложеніяхъ подъ № 1; нѣкоторые мѣста этого удивительнаго „рапорта“, поданнаго не особенно важнымъ чиновникомъ высокопоставленному въ правительствѣ лицу, мы сопровождаемъ подстрочными примѣчаніями.

исполнителемъ воли Императора Николая; въ противоположность этой критикѣ онъ пишетъ панегирикъ своимъ собственнымъ распоряженіямъ на Кладбищѣ, или распоряженіямъ самого графа Закревскаго, именемъ и съ разрѣшенія котораго онъ дѣйствовалъ. Главное зло прежняго управления онъ видитъ въ покровительствѣ водворившимся на Кладбищѣ единовѣрцамъ, которые въ его глазахъ заслуживаютъ полнаго презрѣнія, и въ строгостяхъ относительно раскольниковъ, къ которымъ относится, напротивъ, какъ къ любимымъ дѣтищамъ; а свою и своихъ начальниковъ заслугу поставляетъ именно въ покровительствѣ раскольниковъ и стѣсненіи единовѣрцевъ, якобы во имя закона и справедливости. Онъ говоритъ безъ всякаго стѣсненія о „*крутости и несправедливости*“ принявшихся (къмъ, если не самимъ Императоромъ Николаемъ?) въ прежнее время мѣръ“, о „*несправедливостяхъ и самоуправствахъ*“, которыя по совѣсти не могъ продолжать и на пресѣченіе которыхъ получалъ приказанія отъ генераль-губернатора, согласно во всемъ съ мнѣніемъ *нынѣшняго* г. министра Внутреннихъ Дѣлъ“; говоритъ, что „нашелъ на Рогожскомъ Кладбищѣ раскольниковъ и ихъ имущество *жертвами самыхъ произвольныхъ распоряженій*“, что „раскольники считались ничѣмъ въ сравненіи съ новоприсоединенными единовѣрцами“. Самое вопіющее изъ такихъ „*произвольныхъ распоряженій*“ онъ видитъ въ томъ, что на Кладбищѣ учреждено единовѣріе и освящена единовѣрческая церковь: „Освященіе Николаевской церкви въ оградѣ Кладбища поставило единовѣрцевъ и раскольниковъ въ неизбѣжныя столкновенія, въ коихъ единовѣрцы, *часто противъ всѣхъ правилъ справедливости*, оказывались правы, а раскольники, запуганные принимавшимися противъ нихъ частными и *общими* мѣрами, или присоединялись по видимости къ ихъ числу, или переносили *придирки, обиды и гоненія*“. Онъ приводитъ даже и примѣры этихъ мнимыхъ „*придирокъ*,

обидъ и гоненій“ въ количествѣ десяти¹⁾. Между ними видное мѣсто занимаетъ „*неслыханное самоуправство въ запрещеніи раскольниковъ отправлять въ часовняхъ Кладбища службы, на каковое запрещеніе, по отзыву г. министра Внутреннихъ Дѣлъ отъ 15 генваря, не было никогда ни испрошено, ни дано разрѣшеніе министерства*“. Приведя примѣры мнимыхъ „*гоненій*“, гуманный смотритель Кладбища восклицаетъ: „*Все это произведено было съ небольшимъ въ годъ! Легко можно судить, каковъ былъ этотъ годъ для раскольниковъ!* Затѣмъ, г. Лонгиновъ, совсѣмъ некстати, входитъ въ подобныя разсужденія о насильственномъ присоединеніи раскольниковъ къ единовѣрію вслѣдствіе извѣстнаго указа о гильдейскихъ повинностяхъ, которому произносить беспощадное осужденіе. „*Вотъ уже 5 мѣсяцевъ, — пишетъ вслѣдъ за симъ г. Лонгиновъ, — какъ будучи исполнителемъ приказаній вашего сіятельства, я служу съ удовольствіемъ (?) орудіемъ прекращенія и исправленія неправды, несправедливостей, самоуправствъ и противозаконныхъ дѣяній* (какъ будто все это дѣлалось прежде не съ вѣдома графа Закревскаго!). По указаніямъ вашимъ возстановляются права притѣсненныхъ и укрощается (!) своеволие неправильно присвоившихъ себѣ право распоряжаться (гдѣ и чѣмъ?). Не удивительно, что это кажется вопіющею несправедливостію симъ послѣднимъ, какъ и всѣмъ тѣмъ, кто имѣетъ причины выставлять мнимо-блестящіе результаты присоединенія дѣломъ серьезнымъ. *Времена перемѣнились. Правда (?) всюду обнаруживается и беспощадно обличаетъ ложь*. Начинаютъ возникать на каждомъ шагу дѣла, компрометирующія многихъ (?). Защищаться нечѣмъ (?), и приходится испытать послѣднее средство: обвинить тѣхъ, кто не потворствуетъ обману,

¹⁾ Что эти примѣры не подтверждаютъ рѣзкихъ сужденій г. Лонгинова, это мы показываемъ въ примѣчаніяхъ къ его рапорту (См. прилож. № 1).

какъ попало (?). Въ этомъ полагаю я причину распущенныхъ слуховъ о мнимомъ происшествіи на Кладбищѣ 22 января. Это не пустое празднословіе, а желаніе запутать дѣло (?), грозящее неблаговидной для нихъ развязкой⁴. И въ самомъ началѣ „рапорта“ онъ выразился о письмѣ о. Парвенія, что оно „внушено безсильною злобою противъ послѣднихъ *справедливыхъ и полезныхъ* мѣръ, принятыхъ правительствомъ относительно раскольниковъ“. Признавая такимъ образомъ и себя, какъ лицо „не потворствующее обману“, оскорбленнымъ въ письмѣ о. Парвенія, г. Лонгиновъ, разумѣется, отвергъ справедливость всего, что говорилось въ этомъ письмѣ. Объяснивъ, что богослуженіе на Кладбищѣ открыто вслѣдствіе отношенія г. министра Внутреннихъ Дѣлъ отъ 15 января, онъ рѣшительно утверждаетъ, что никакихъ беспорядковъ при этомъ не было. Однако, самъ проговаривается о многолюдствѣ раскольниковъ, собравшихся къ открытію богослуженія, и объ ихъ ликованіи, также объ „уныніи единоувѣрцевъ, обманутыхъ въ обѣщанныхъ имъ выгодахъ (?) и привыкшихъ къ пристрастнымъ въ ихъ пользу дѣйствіямъ“. О ликованіи раскольниковъ онъ говоритъ даже съ большимъ чувствомъ: „22 января собралось на Кладбищѣ къ утрени и часамъ до 3000 прихожанъ. Торжество при этомъ состояло *въ общемъ веселіи и слезахъ радости* при первой общей молитвѣ людей, вѣрующихъ по-своему (?), но обязанныхъ за то отчетомъ не другимъ людямъ, а Богу, и лишенныхъ *противозаконно* сего утѣшенія въ теченіе 14 мѣсяцевъ. Если радость эта преступна, то виноваты въ ней тѣ, которые осмѣлились отнять у нихъ это утѣшеніе и подали имъ тѣмъ самымъ поводъ *изъявлять ее въ высшей степени*, при возвращеніи имъ законнаго права“. Любопытно также, чѣмъ онъ доказываетъ, что при этомъ „изъявленіи радости въ высшей степени“ не было насмѣшекъ надъ единоувѣрцами и православными: „что говорится на сторонѣ, того я знать не обязанъ; впрочемъ, полагаю, что раскольники слишкомъ

довольны, чтобы вмѣсто радости предаваться насмѣшкѣ *съ особымъ усердіемъ*“.

Этими, каковы бы ни были они, объясненіями по существу дѣла, казалось, и долженъ бы ограничиться въ своемъ „рапортѣ“ г-нъ смотритель Рогожскаго Кладбища; входитъ же въ обсужденіе правительственныхъ мѣръ противъ раскола, тѣмъ болѣе произносить приговоръ надъ распоряженіями, опиравшимися на узаконенія Верховной власти, хотя бы и въ недавно минувшее царствованіе, — произносить въ выраженіяхъ крайне рѣзкихъ и неприличныхъ, недозволительныхъ даже въ частномъ письмѣ, не то что въ официальной бумагѣ, онъ не имѣлъ никакого права, и никто не могъ дать ему на это права, если бы даже онъ занималъ и не такую неважную должность, какъ должность смотрителя на раскольническомъ Кладбищѣ. И однакоже смотритель Лонгиновъ не только позволилъ себѣ все это, но и рѣшился въ заключеніе своего рапорта произнести одобреніе новому либеральному образу дѣйствованія относительно раскольниковъ, — произнести уже не въ качествѣ чиновника губернаторской канцеляріи, а въ качествѣ члена образованнаго общества и лица благоговѣющаго предъ такъ называемымъ общественнымъ мнѣніемъ:

„Въ заключеніе не могу (!) не присовокупить (писалъ онъ), что общественное мнѣніе, насколько оно высказывается, рѣшительно въ пользу мѣръ кротости и справедливости, обнаруженныхъ *въ последнее время* правительствомъ въ отношеніи раскольниковъ. Многочисленные мои отношенія съ просвѣщенными людьми разныхъ состояній, разныхъ убѣжденій, позволяютъ мнѣ судить о благопріятномъ впечатлѣніи, произведенномъ послѣдними болѣе кроткими распоряженіями правительства. Всѣ благомыслящіе люди видятъ въ расколѣ не одинъ церковный вопросъ, но вопросъ государственный и общественный. Они говорятъ, что надо радоваться благодѣтельнымъ (?) мѣрамъ, принимаемымъ въ отношеніи къ нѣсколькимъ милліонамъ нашихъ соотечественниковъ, заблуждающихся конечно, но ослѣпленіе коихъ исцѣлять не гоненія и

фанатизмъ, а время и просвѣщеніе... Послѣднія же мѣры правительства могутъ найти себѣ порицателей только въ людяхъ, преданныхъ близорукимъ и одностороннимъ воззрѣніямъ, своекорыстнымъ видамъ, или закоренѣлымъ и грубымъ предразсудкамъ“.

Говоря о людяхъ „преданныхъ близорукимъ и одностороннимъ воззрѣніямъ“ и проч. и проч., а потому и порицавшихъ новыя, „последнія“ распоряженія относительно Рогожскаго Кладбища и раскола вообще, просвѣщенный г. Лонгиновъ, конечно, имѣлъ въ виду прежде всего митрополита Филарета, радикально расходившагося и съ нимъ и съ его „общественнымъ мнѣніемъ“ въ воззрѣніяхъ на расколъ и на правительственныя къ расколу отношенія. Мы нарочно выписали это мѣсто изъ „рапорта“ г. Лонгинова, представляющее образчикъ начинавшихся тогда либеральныхъ разглагольствій о расколѣ либеральныхъ литераторовъ и либерального чиновничества. Въ концѣ своего рапорта г. Лонгиновъ порисовался еще слѣдующею фразою: „Послѣ ложныхъ и злонамѣренныхъ слуховъ, распущенныхъ *изъ-за ула* въ порицаніе справедливыхъ мѣръ правительства къ возстановленію столь часто нарушенныхъ правъ (?!), я, какъ ближайшій свидѣтель печальныхъ послѣдствій *ложной системы* (?) почелъ обязанностію изложить здѣсь истину (!) объ оной...“

Таково содержаніе „рапорта“, поданнаго московскому генераль-губернатору чиновникомъ его канцеляріи 18 февраля 1856 г. за № 24-мъ, — и такому генераль-губернатору, какъ графъ Закревскій, предъ которымъ трепетали всѣ и чиновные и нечиновные жители Москвы. Необходимо допустить, что этотъ чиновникъ былъ заранѣе уполномоченъ отъ своего пачальника писать свой officialный отвѣтъ ему въ томъ духѣ и тонѣ, въ какомъ написалъ потомъ, не опасаясь никакой отвѣтственности. И дѣйствительно, графъ Закревскій не нашелъ ничего лишняго, неумѣстнаго и неприличнаго въ рапортѣ г. Лонгинова, наполненномъ дерзкими порицаніями правительству, недавно сошедшему съ житейскаго и служебнаго

поприща, и всей его якобы „ложной системѣ“ дѣйствованія въ отношеніи къ расколу, съ другой стороны льстивыми похвалами и непрошенными совѣтами правительству новому; напротивъ, — гр. Закревскій призналъ „рапортъ“ своего чиновника до такой степени примѣчательнымъ и достойнымъ вниманія, что не только руководился имъ въ своемъ собственномъ отвѣтѣ министру Внутреннихъ Дѣлъ, но и нашелъ нужнымъ даже копію съ него препроводить къ министру.

Въ своемъ „конфиденціальномъ“ письмѣ къ министру Внутреннихъ Дѣлъ гр. Закревскій упоминаетъ прежде всего, что словесное приказаніе смотрителю Рогожскаго Кладбища „не запрещать раскольникамъ отправлять въ часовняхъ Кладбища моленіе“ дано имъ, генераль-губернаторомъ, на основаніи полученнаго отъ самого министра отношенія отъ 15 истекшаго генваря“; сообщаетъ потомъ, что при открытіи моленія никакихъ безпорядковъ не было, „никакого столкновенія между раскольниками и единовѣрцами не возникало“; затѣмъ онъ пишетъ: „изъ выше изложеннаго и *прилагаемаго въ копіи рапорта* исправляющаго должность смотрителя Рогожскаго богадѣльнаго дома отъ 18 февраля за № 24, ваше высокопревосходительство изволите усмотрѣть всю неосновательность доноса іеромонаха Пароенія“. Особаго вниманія заслуживаютъ въ письмѣ гр. Закревскаго заключительныя слова его, основанныя также на рапортѣ Лонгинова:

„Долгомъ поставляю покорнѣйше просить ваше высокопревосходительство, при всеподданнѣйшемъ донесеніи о семъ Государю Императору, *доложить Его Величеству*, что если между единовѣрцами и раскольниками на Рогожскомъ Кладбищѣ и кроется зародышъ неудовольствій, то это есть послѣдствіе извѣстнаго (?) вамъ *самопроизвольнаго и совершенно противозаконнаго* распоряженія смотрителя Рогожской богадѣльни Можжакова о закрытіи раскольническихъ моленныхъ и другихъ пристрастныхъ его распоряженій, а также дѣйствій самого духовенства по обращенію раскольниковъ въ единовѣріе“.

Приведа за симъ взятыя прямо изъ рапорта Лонгиновъ цифры о постѣдовавшихъ къ 1-му января 1855 года присоединеніяхъ, гр. Закревскій продолжаетъ:

„Такое присоединеніе раскольниковъ происходило не отъ искренняго раскаянія и признанія сектаторскихъ заблужденій, а единственно отъ желанія воспользоваться гражданскими правами и преимуществами, коихъ раскольники лишены на основаніи *Высочайшаго повелѣнія*, сообщеннаго мнѣ въ отношеніи предмѣстника вашего высокопревосходительства отъ 27 октября 1854 года“¹⁾.

Итакъ сановникъ, стоявшій во главѣ управленія столицею, выступалъ предъ Государемъ Императоромъ съ жалобой и обвиненіемъ противъ отставнаго чиновника, отличавшагося на службѣ особенною ревностію въ исполненіи своихъ служебныхъ обязанностей и заслужившаго этимъ особое довѣріе двухъ прежнихъ министровъ, также противъ православнаго духовенства, совершенно не причастнаго къ дѣламъ Кладбища. Трудно допустить, чтобы смотритель Мозжаковъ, если дѣйствительно имъ сдѣлано было распоряженіе о прекращеніи службъ въ часовняхъ Рогожскаго Кладбища, сдѣлалъ такое распоряженіе безъ вѣдома генераль-губернатора, которому былъ подчиненъ, — по крайней мѣрѣ объ изгнаніи съ Кладбища толпы дьячковъ, имѣющемъ тѣсную связь съ прекращеніемъ службъ, Мозжаковъ прямо говоритъ, что оно сдѣлано было по распоряженію генераль-губернатора Закревскаго. Могло быть, какъ предполагалъ митр. Филаретъ, что отправление службы на Кладбищѣ прекратилось само собою, когда не стало здѣсь послѣдняго попа, когда уже некому было и отправлять службы²⁾. Во всякомъ случаѣ, было ли достойно высокопоставленнаго вельможи обвинять предъ Государемъ своего бывшаго чиновника, ничѣмъ

1) См. письмо гр. Закревскаго къ Ланскому въ прилож. № 2.

2) Министръ Ланской упоминаетъ въ своемъ докладѣ, что Мозжаковъ отрекся отъ распоряженія о прекращеніи службъ на Кладбищѣ. См. прилож. № 3.

не запятнавшего своей безпорочной и усердной службы Государю?¹⁾ Еще удивительнѣе обвиненіе православнаго духовенства за то, что много раскольниковъ присоединилось не искренно, только по нуждѣ, чтобы не лишиться богатства и общественнаго положенія. По здравому разсужденію, вина здѣсь падаетъ на самихъ раскольниковъ, осмѣлившись заявить, что они лицемѣрили, присоединялись не искренно, по одному принужденію, злоупотребляя притомъ снисхожденіемъ духовенства, которое, при множествѣ присоединявшихся въ послѣдніе дни предъ наступленіемъ новаго года, не имѣло и возможности соблюсти всѣ требуемыя при этомъ формальности. Но въ глазахъ гр. Закревскаго раскольники и здѣсь не виноваты, а виновато въ ихъ лицемѣрїи и обманѣ православное духовенство. Важнѣе же всего въ письмѣ графа Закревскаго то, что, обвиняя Мозжакова, точнаго исполнителя Высочайшихъ распоряженій относительно раскола, особенно же поставляя въ вину православному духовенству лицемѣрныя присоединенія раскольниковъ, вызванныя, какъ самъ говоритъ, Высочайшимъ повелѣніемъ отъ 27-го октября 1854 года, онъ произносилъ осужденіе самому Императору Николаю Павловичу, своему благодѣтелю, которымъ возведенъ былъ на высоту власти и почестей... Трудно допустить, чтобы графъ Закревскій, выступая такимъ рѣшительнымъ защитникомъ и покровителемъ раскола, руководился новыми, либеральными вѣяніями, которыя такъ ярко выступаютъ въ рапортѣ Лонгинова и которымъ сочувствовалъ министръ Ланской, — трудно допустить, чтобы онъ дѣйствовалъ даже просто по чувству

1) Мозжаковъ оставилъ службу, не имѣя никакого состоянія, даже растратилъ на службѣ, исполняя разныя порученія, своихъ собственныхъ 2500 р., о возмѣщеніи которыхъ подавалъ особую докладную записку 2 нояб. 1855 г. Явленіе, едва ли не безпримѣрное въ чиновничествѣ, вѣдающемъ дѣла по расколу! Сами раскольники, при всей своей ненависти къ Мозжакову, отдають справедливость его безкорыстію.

гуманности и состраданія къ людямъ якобы несправедливо гонимымъ: такія расположенія и чувства едва ли можно допустить въ правителѣ, который имѣлъ столько не деликатности, что во время послѣдовавшихъ вскорѣ коронаціонныхъ торжествъ, безъ церемоніи прогналъ представителей московскаго купечества съ устроеннаго московскимъ же купечествомъ обѣда въ честь Государя Императора. Всего вѣроятнѣе, что гр. Закревскій, въ своемъ отвѣтѣ министру, какъ и въ другихъ случаяхъ, выступилъ защитникомъ и покровителемъ раскола, сложившись на просьбы не рѣдко посѣщавшихъ его домъ богачей — раскольниковъ, и только воспользовался при этомъ новыми либеральными воззрѣніями на отношенія къ расколу, которыя такъ смѣло изложилъ ему Лонгиновъ и которымъ, какъ ему извѣстно было, (и это главное) сочувствуетъ новый министр¹⁾.

Письмо графа Закревскаго министръ получилъ 5-го марта, и въ томъ же мѣсяцѣ былъ приготовленъ имъ всеподданнѣйшій докладъ по дѣлу, возникшему вслѣд-

1) О посѣщеніяхъ богачами - раскольниками дома графа Закревскаго много рассказывалъ намъ В. А. Сапѣжкинъ. По его словамъ, раскольники нерѣдко прибѣгали при этомъ къ посредству супруги Закревскаго и особенно дочери, бывшей замужемъ за Нессельроде, но жившей у отца порознь съ мужемъ: ей дарили и деньги, и брилліанты, и роскошныя матеріи, и дорогіе фрукты. Графъ Закревскій чрезвычайно любилъ дочь, и многое дѣлалъ по ея просьбамъ. Извѣстно, что она довела его и до отставки, о чемъ есть уже печатное извѣстіе. Вотъ что именно напечатано въ „Дневникѣ“ гр. Валуева, подъ 16 апр. 1859 года: „Графиня Нессельроде, урожденная Закревская, при жизни мужа вышла за князя Друцкаго, адъютанта, или офицера для особыхъ порученій при ея отцѣ... Когда чрезъ шефа жандармовъ сдѣланъ былъ запросъ графу Закревскому, то онъ самъ написалъ Государю, что *онъ дозволяетъ бракъ* и что тому бывали примѣры. Государь, какъ слышно, крѣпко разсердился и приказалъ графу Толстому, оберъ-прокурору Св. Синода, дать дѣлу законный ходъ. Слѣдовательно Закревскій не можетъ болѣе оставаться московскимъ генералъ-губернаторомъ“ (*Рус. Старина*, 1891 г. авг. стр. 275). Отставка, дѣйствительно, послѣдовала.

ствіе письма іеромонаха Пароенія¹⁾. Отвѣтъ Закревскаго онъ нашелъ вполне удовлетворительнымъ, также и рапортъ Лонгинова заслуживающимъ вниманія, такъ что и тотъ и другой рѣшился представить Государю: „полученныя отъ московскаго генералъ-губернатора отношеніе и копію съ рапорта смотрителя Рогожскаго Богадѣленнаго Дома, писалъ онъ, *считаю домогъ* повергнуть на Высочайшее благоусмотрѣніе“. Съ своей стороны министръ сообщалъ въ докладѣ свѣдѣнія по данному дѣлу, собранныя въ самомъ министерствѣ. Онъ писалъ: „По допущенному издавна обыкновению (?) на Рогожскомъ Кладбищѣ отправлялось богослуженіе и совершались духовныя требы *раскольническими попами*, изъ коихъ послѣдній (Ермиловъ) обратился въ единовѣріе только въ 1854 году“; при министрѣ Бибиковѣ „не было сдѣлано никакого распоряженія ни собственною его властію, ни по Высочайшему повелѣнію, о воспрещеніи раскольникамъ поповщинской секты отправлять богомоленіе на Рогожскомъ Кладбищѣ; воспрещеніе послѣдовало отъ бывшаго смотрителя Мозжакова“. Далѣе министръ объясняетъ, что такъ какъ „Высочайше утвержденнымъ 21 декабря 1853 г. всеподданнѣйшимъ докладомъ министра Бибикова раскольникамъ безпоповской секты дозволено собираться въ часовни на Преображенскомъ Кладбищѣ для молитвы“, а „другимъ докладомъ, удостоеннымъ также Высочайшаго утвержденія 9 августа 1854 г., испрошено разрѣшеніе принять по Рогожскому Кладбищу тѣ же мѣры, какія установлены для Кладбища Преображенскаго“, и такъ какъ раскольники жаловались на стѣсненіе, сдѣланное имъ отъ смотрителя Мозжакова воспрещеніемъ богомоленій въ часовняхъ Рогожскаго Кладбища, а московскій генералъ-губернаторъ, находя это воспрещеніе незаконнымъ, полагалъ съ своей стороны „не препятствовать раскольникамъ отправлять богомоленіе“, то онъ,

1) Докладъ министра печатается въ прилож. подъ № 3. Изъ исторіи Рогожскаго Кладбища.

министръ, „15-го минувшаго января увѣдомилъ графа Закревскаго“, что богослуженіе на Рогожскомъ Кладбищѣ можетъ быть дозволено. „Изъ полученныхъ же нынѣ отъ генераль-адъютанта Закревскаго объясненій оказывается, что данное раскольникамъ дозволеніе не произвело никакихъ безпорядковъ“, и при открытіи богослуженія на Кладбищѣ „никакого особеннаго торжества и публичнаго оказательства ереси не было“.

Итакъ дѣло, возбужденное письмомъ іеромонаха Паренія, по докладу министра должно было кончиться въ пользу раскольниковъ: въ возрѣвнїи на дѣло и желаемое его рѣшеніе оказалось полное согласіе между смотрителемъ Рогожскаго Кладбища, московскимъ генераль-губернаторомъ и министромъ Внутреннихъ Дѣлъ. Въ заготовленномъ докладѣ министра слѣдуетъ обратить вниманіе на то обстоятельство, что онъ прямо говоритъ о данномъ имъ самимъ разрѣшеніи — открыть раскольническія службы въ часовняхъ Рогожскаго Кладбища, и приводитъ основанія, почему далъ это разрѣшеніе. Основанія приведены весьма неудачно, такъ какъ по дѣйствительному ихъ смыслу слѣдовало не дозволять, а воспретить совершеніе богослуженій въ часовняхъ Рогожскаго Кладбища. Въ докладѣ указывается на „допущенное издавна обыкновеніе“, по которому „на Рогожскомъ Кладбищѣ отправлялось богослуженіе *раскольническими попами*“. Но такъ какъ, по указанію самаго министра, „послѣдній изъ этихъ поповъ обратился въ единовѣріе въ 1854 году“, и значить ни одного „раскольническаго попа“ уже не осталось на Кладбищѣ, то и „обыкновеніе“ это должно прекратиться, богослуженій въ часовняхъ Кладбища, за неимѣніемъ поповъ, быть не должно. Приводимый далѣе примѣръ Преображенскаго Кладбища, на которомъ дозволено безпоповцамъ собираться для молитвы, здѣсь приведемъ нехстати: ибо безпоповщинскія моленія совершаются безъ поповъ, а поповщинскія требуютъ именно присутствія попа; воспользоваться доз-

воленіемъ, даннымъ безпоповцамъ Преображенскаго Кладбища, поповцы Рогожскаго Кладбища могли бы только въ томъ случаѣ, если бы и сами объявили себя безпоповцами одного согласія съ преображенскими. А Высочайше утвержденное разрѣшеніе „принять по Рогожскому Кладбищу тѣ же *мѣры*, какія установлены для Кладбища Преображенскаго“, касается, очевидно, не богослуженій, а одинаковаго надзора за обоими Кладбищами. Достойно замѣчанія также, что въ этомъ заготовленномъ всеподданнѣйшемъ докладѣ министр не рѣшился писать о насильственномъ присоединеніи раскольниковъ къ единовѣрїю, на что московскій генераль-губернаторъ именно просилъ его обратить вниманіе Государя Императора, хотя косвеннымъ образомъ и исполнялъ эту просьбу губернатора, рѣшивъ представить Государю подлинное письмо его.

Когда такимъ образомъ былъ составленъ уже всеподданнѣйшій докладъ, рѣшавшій дѣло объ открытіи богослуженія на Рогожскомъ Кладбищѣ въ пользу раскольниковъ, послѣдовали обстоятельства, вынудившія министра Внутреннихъ Дѣлъ не только отложить представленіе этого доклада Государю Императору, но даже и совершенно измѣнить его въ существеннѣйшихъ пунктахъ.

Распространившіеся по Москвѣ слухи о торжественномъ открытіи богослуженій на Рогожскомъ Кладбищѣ, вызванное этимъ событіемъ смущеніе въ средѣ единовѣрцевъ и православныхъ, особенно же опасеніе вредныхъ для церкви послѣдствій отъ начавшихся такимъ образомъ новыхъ проявленій силы и успѣховъ раскола, передъ тѣмъ значительно ослабленнаго, — все это побудило и митрополита Филарета возвысить голосъ въ защиту православія. 16 февраля онъ препроводилъ въ Святѣйшій Синодъ донесеніе по поводу открывшихся на Рогожскомъ Кладбищѣ раскольническихъ служеній¹⁾. Кратко

¹⁾ Донесеніе это напечатано въ *Собраніи мѣтій и отзывовъ м. Филарета* (т. 4, стр. 79—83). Такъ какъ не всеѣмъ изъ нашихъ чита-

упомянувъ о томъ, какъ со времени открытія на Рогожскомъ Кладбищѣ въ 1854 г. единовѣрческаго прихода расколъ замѣтно началъ приходить здѣсь къ упадку, прекратилось даже отправленіе службъ въ раскольническихъ часовняхъ Кладбища, „по распоряженію ли министерства Внутреннихъ Дѣлъ, или, можетъ быть, само собою“, за неимѣніемъ священниковъ, требующихся для служенія, и какъ съ весны 1855 г. рогожскіе раскольники начали снова хлопотать объ утвержденіи раскола на Кладбищѣ и стали распространять слухи объ успѣшности своихъ хлопотъ, митрополитъ писалъ далѣе:

„Наконецъ, послѣ нѣсколькихъ поѣздокъ значительныхъ раскольниковъ въ Петербургъ, 21 января 1856 года, въ теплой часовнѣ Рогожскаго Кладбища, при собраніи множества раскольниковъ, открылось служеніе вечерни, въ которомъ начальствовалъ конторщикъ Иванъ Кручининъ, а 22 дня, такимъ же образомъ, служена утрена, и съ тѣхъ поръ продолжается подобное служеніе. Въ послѣдующіе дни замѣчено, что во время службы отворяемы были царскія врата и служащій дѣлалъ возласы; и, какъ сего не можетъ дѣлать мірянинъ, то заключаютъ, что служащій былъ лжесвященникъ... Полагаютъ, что это именно Крининъ, жительствующій близъ Рогожской заставы“¹⁾.

Справедливо усматривая въ этомъ событіи опасные для церкви признаки начинающагося усиленія раскола, митрополитъ и обращалъ на него особое вниманіе высшаго правительства:

„Если принять въ разсужденіе, что раскольники прежде не рѣшались открыть богослуженіе безъ священника, а нынѣ открыли и продолжаютъ оное, и если поставить сіе

телей доступно названное изданіе, то мы признали неизлишнимъ напечатать его вполне въ ряду приложений (№ 4).

¹⁾ Димитрій Криникъ былъ лжепопомъ австрійскаго поставленія, — одинъ изъ ставленниковъ Антонія. Онъ былъ потомъ взятъ правительствомъ, отправленъ въ Соловецкій монастырь и здѣсь 9 февраля 1864 г. присоединился къ православной церкви. См. о немъ въ *Запис.* В. А. Сапѣжина стр. 50—51.

въ связь съ поѣздками значительныхъ раскольниковъ въ Петербургъ, то не безъ основанія можетъ представиться вопросъ: не получили ль они на сіе разрѣшенія отъ начальства? Это былъ бы печальный случай, котораго послѣдствій не легко измѣрить. Это имѣло бы такой видъ, что начальство само насаждаетъ и укореняетъ новую отрасль раскола, толкъ поповщино-безпоповщинскій, — поповщинскій — по сохраняемому имъ признанію потребности священства и святаго причащенія, а по общественному богослуженію — безпоповщинскій, и, что особенно вредно, это былъ бы самый удобный случай для раскольниковъ подъ личиною мірянъ скрывать лжесвященниковъ заграничной лжеіерархіи. Особенный вредъ открывшагося явленія есть еще тотъ, что, послѣ немаловременной остановки, открытіе часовеннаго богослуженія расколотыми учителями могутъ представлять несвѣдущему народу, какъ свою побѣду и какъ надежду дальнѣйшаго своего усиленія“...

Донесеніе свое митрополитъ заключилъ слѣдующими словами:

„Находя открывшееся въ Рогожской часовнѣ богослуженіе выходящимъ изъ предѣловъ оказываемой раскольникамъ терпимости, имѣющимъ уже неблагоприятное дѣйствіе и могущимъ имѣть вредныя послѣдствія, и примѣчая, что раскольники стараются вести свои дѣла къ успѣхамъ секретно отъ секретныхъ комитетовъ, признаю для себя должнымъ и единственно возможнымъ представить сіе благопопечительному о благѣ святыхъ церкви вниманію Святѣйшаго Синода“.

Признавая всю важность изложенныхъ въ донесеніи митрополита Филарета свѣдѣній и сужденій, Святѣйшій Синодъ постановилъ представить его въ подлинникъ на Высочайшее воззрѣніе Государя Императора, съ присовокупленіемъ, что съ своей стороны Синодъ полагаетъ внести это донесеніе „въ Секретный Комитетъ о раскольникахъ для законнаго и совокупнаго съ духовной и гражданской стороны обсужденія мѣръ, какія должны быть приняты къ устраненію вредныхъ послѣдствій упомянутаго (въ донесеніи) событія“. 4-го марта исполнявшій

обязанности оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода тайный совѣтникъ Сербиновичъ имѣлъ докладъ у Государя и представилъ донесеніе Московскаго митрополита на Высочайшее Его Величества воззрѣніе. Читая донесеніе, Императоръ Александръ Николаевичъ остановилъ вниманіе на томъ мѣстѣ, гдѣ митрополитъ дѣлаетъ предположеніе, не получили раскольники на открытіе богослуженія въ кладбищенскихъ часовняхъ „разрѣшенія отъ начальства“. Противъ этихъ словъ Государь изволилъ собственноручно написать: „отъ какого?“ По всему видно, что донесеніе митрополита Филарета, всѣмъ его содержаніемъ, произвело на Государя сильное впечатлѣніе: на немъ онъ сдѣлалъ слѣдующую собственноручную надпись: „разсмотрѣть *немедля* въ Секретномъ Комитетѣ и принять неотложныя мѣры къ обузданію преступнаго своевольства раскольниковъ“. На другой же день донесеніе митрополита Филарета было внесено Сербиновичемъ въ Секретный Комитетъ при отношеніи, въ которомъ онъ изложилъ послѣдовавшее къ сему дѣлу постановленіе Святѣйшаго Синода и обстоятельства, сопровождавшія представленіе донесенія Государю Императору¹⁾.

О донесеніи Московскаго митрополита, поступившемъ въ Секретный Комитетъ для „немедленнаго“, по Высочайшему повелѣнію, разсмотрѣнія, доведено было до свѣдѣнія министра Внутреннихъ Дѣлъ: ему сообщена была и копія митрополичьяго донесенія. Прочитавъ его, министръ нашелъ уже неблаговременнымъ и неудобнымъ вносить на Высочайшее воззрѣніе прежде заготовленный всеподданнѣйшій докладъ по дѣлу, возбужденному вслѣдствіе письма іеромонаха Парѣенія. Теперь пришлось вѣдаться не съ письмомъ Парѣенія, которое на основаніи отзывовъ Лонгинова и Закревскаго можно было

¹⁾ Отношеніе и. д. оберъ-прокурора въ Секрет. Комитетъ см. въ прилож. подъ № 5.

безъ церемоніи объявить „неосновательнымъ доносомъ“, — приходилось имѣть дѣло съ донесеніемъ митрополита, которое и важностію своего содержанія и обращеннымъ на него особымъ вниманіемъ Государя требовало отнестись къ нему со всею тщательностію и осторожностію. Министръ нашелъ, что заготовленный докладъ теперь не годится совсѣмъ, — что слѣдуетъ составить новый, соединивъ въ немъ отзывъ и по поводу письма іеромонаха Парѣенія и по поводу донесенія митрополита Филарета. Дѣйствительно, составленъ былъ новый всеподданнѣйшій докладъ, по своему содержанію не имѣвший ничего общаго съ прежде заготовленнымъ, но такъ же, какъ и этотъ послѣдній, рѣшительно направленный въ защиту рогожскихъ раскольниковъ, требовавшей дарованія имъ свободы въ отправленіи богослуженій¹⁾.

Въ новомъ докладѣ нѣтъ уже ни единого слова о томъ, что открытъ богослуженіе въ часовняхъ Рогожскаго Кладбища дано раскольникамъ разрѣшеніе отъ самого министра, о чемъ, какъ мы видѣли, въ прежде заготовленномъ докладѣ говорилось прямо и подробно, съ приведеніемъ оснований, якобы оправдывавшихъ законность такого разрѣшенія. Обстоятельство это тѣмъ болѣе замѣчательно, что, казалось бы, теперь-то напротивъ и слѣдовало министру со всею откровенностію объявить, что разрѣшеніе раскольникамъ открытъ служеніе въ Рогожскихъ часовняхъ дано имъ самимъ, и представить оправданія этого своего распоряженія, такъ какъ въ донесеніи Московскаго митрополита говорилось о неоднократныхъ поѣздкахъ значительныхъ раскольниковъ въ

¹⁾ Докладъ этотъ печатается вполнѣ въ прилож. № 6. Можно догадываться, что въ составленіи его принималъ участіе г. Мельниковъ, служившій тогда чиновникомъ особыхъ порученій при министрѣ и въ слѣдующемъ году, по порученію Ланскаго, составившій свою извѣстную записку о расколѣ для В. К. Константина Николаевича: по изложенію и особенно по направленію записка и докладъ имѣютъ большое сходство.

Петербургъ, открытіе службы на Кладбищѣ ставилось въ связи этими поѣздками и прямо высказывалось предположеніе, „не получили ли раскольники на сіе разрѣшенія отъ начальства“, а что всего важнѣе, на это именно предположеніе митрополита обращено было особое вниманіе Государя, который прямо спрашивалъ: „какого“ начальства? т.-е. отъ какого начальства дано, или могло быть дано такое разрѣшеніе? Оставляя теперь безъ отвѣта этотъ прямой вопросъ, хотя отвѣтъ на него былъ уже приготовленъ раньше, когда еще не предлагалось и самаго вопроса, — признавъ теперь за лучшее обойти его молчаніемъ, министръ этимъ самымъ показалъ, что не находитъ уже правильнымъ данное рогожскимъ раскольникамъ дозволеніе открыть службы на Кладбищѣ, послѣ того, какъ въ донесеніи митрополита о немъ замѣчено, что „это былъ бы печальный случай, котораго послѣдствія не легко измѣрить“, — не находитъ правильною и ссылку на указы о Преображенскомъ Кладбищѣ, которыми хотѣлъ оправдать свое распоряженіе относительно Рогожскаго, когда въ томъ же донесеніи митрополита объяснено, что дозволить на Рогожскомъ кладбищѣ дѣлать то, что дѣлается на Преображенскомъ, значило бы „самому правительству насаждать и укоренять новую отрасль раскола — толкъ поповщино-безпоповщинскій“. Конечно, министръ могъ бы съ достойною его положенія откровенностію сознаться, что допустилъ ошибку, свизойдя на просьбы пріѣзжавшихъ въ Петербургъ „значительныхъ раскольниковъ“, дозволить имъ открыть на Рогожскомъ Кладбищѣ богослуженія, и могъ бы такимъ образомъ принять на себя отвѣтственность за случившееся на Кладбищѣ; но Ланской въ своемъ докладѣ, повторяемъ, предпочелъ обойти молчаніемъ щекотливый для него пунктъ въ донесеніи митрополита Филарета, хотя и обратившій на себя особое вниманіе Государя, — предпочелъ не упоминать о томъ, „отъ какого“ начальства послѣдовало разрѣшеніе раскольникамъ

— открыть службы въ кладбищенскихъ часовняхъ, и такимъ образомъ, пока можно, не принимать на себя отвѣтственности за дѣло, которое митрополитъ Филаретъ называлъ „печальнымъ“ и „послѣдствія котораго, по его мнѣнію, не легко было измѣрить“. Точно такъ же онъ не нашелъ теперь удобнымъ представлять на Высочайшее воззрѣніе не только заносчивый рапортъ Лонгинова, но и подлинное письмо графа Закревскаго, въ которыхъ упоминалось о полученномъ отъ него, министра, официальномъ разрѣшеніи на отправленіе службъ въ Рогожскихъ часовняхъ, тогда какъ въ первомъ докладѣ министръ именно писалъ, что „считаетъ долгомъ“ оба эти документа „повергнуть на Высочайшее благоусмотрѣніе“...

Итакъ о томъ, что составляло первую, существенную часть прежде составленнаго доклада, въ новомъ не было и рѣчи. Теперь, въ новомъ докладѣ, министръ прежде всего обращаетъ вниманіе на „разногласіе“, находящееся будто бы въ извѣстіяхъ объ одномъ и томъ же случаѣ на Рогожскомъ Кладбищѣ, съ одной стороны въ письмѣ графа Закревскаго, съ другой — въ донесеніи митрополита Филарета. Онъ приводитъ сначала слѣдующее мѣсто изъ донесенія, подчеркнувъ слова, которымъ придавалъ особую важность: „Въ теплой часовнѣ Рогожскаго Кладбища открылось служеніе, при чемъ замѣчено, что во время службы отворяемы были царскія врата и служащій дѣлалъ возгласы, и какъ сего не можетъ дѣлать мірянинъ, то *заключаютъ*, что служащій былъ лжесвященникъ. Одежда на немъ была мѣщанская, но *могло быть*, что онъ подъ верхнею одеждою скрывалъ епитрахиль“. Затѣмъ продолжаетъ, тоже подчеркивая нѣкоторыя выраженія: „съ своей стороны генералъ-адъютантъ графъ Закревскій положительно писалъ, что при собраніи рогожскихъ раскольниковъ *не происходило никакихъ беспорядковъ и публичнаго оказательства раскола не было*, а происходило внутри часовни чтеніе (?) утрени, часовъ и вечерни, *какъ это обыкновенно дѣлается въ дозволенныхъ прави-*

тельством раскольниковъ часовняхъ и моленныхъ¹⁾. Изъ сего оказывается, — пишетъ далѣе министр, — что высокопреосвященный Филаретъ *неопредѣлительно обвинялъ* раскольниковъ въ дѣйствіяхъ, противныхъ закону, а графъ Закревскій *удостоверяетъ положительно*, что никакихъ противозаконныхъ поступковъ раскольниками допущено не было²⁾. Итакъ министръ находилъ и указывалъ „разногласіе“ въ донесеніяхъ московскаго генералъ-губернатора и московскаго митрополита, при чемъ первому, какъ содержащему „положительное удостовѣреніе“ давалъ примѣтнымъ образомъ предпочтеніе предъ вторымъ, какъ содержащимъ „неопредѣленное обвиненіе раскольниковъ“. Но въ дѣйствительности разногласія въ этихъ донесеніяхъ не было и быть не могло, такъ какъ въ томъ и другомъ говорилось не объ однихъ и тѣхъ же, а о различныхъ обстоятельствахъ. Графъ Закревскій отвѣчалъ на запросъ по поводу письма іеромонаха Парѣенія, въ которомъ сообщалось о безпорядкахъ, происшедшихъ при открытіи богослуженія въ рогожскихъ часовняхъ, даже о столкновеніи между раскольниками и единовѣрцами, и потому „удостоверялъ положительно“, что никакихъ безпорядковъ и столкновеній не было; митрополитъ же въ своемъ донесеніи не упоминалъ совсѣмъ о безпорядкахъ, или столкновеніяхъ, а указывалъ (въ приведенныхъ министромъ словахъ) на то весьма важное обстоятельство, что раскольниками не только открыты на Кладбищѣ службы, но и допущены къ отправленію оныхъ, какъ видно по всѣмъ признакамъ, австрійскій лжесвященникъ. Въ чемъ же тутъ „разногласіе“? Напрасно также г. министр, на основаніи подчеркнутыхъ имъ выраженій въ донесеніи митрополита Филарета, на-

1) Подчеркнутыхъ выраженій буквально даже и нѣтъ въ письмѣ Закревскаго.

2) Напечатанныя курсивомъ слова также подчеркнуты въ подлинномъ докладѣ.

зываетъ „неопредѣлительнымъ“, точнѣе сказать — только предположительнымъ, обвиненіе раскольниковъ въ допущеніи австрійскаго лжесвященника къ служенію на Кладбищѣ. Говоря „замѣчено“, митрополитъ хотѣлъ сказать только, что не онъ самъ непосредственно замѣтилъ, или видѣлъ то, о чемъ пишетъ, какъ и графъ Закревскій не самъ же непосредственно видѣлъ то, о чемъ писалъ; а если графъ Закревскій имѣлъ основаніе довѣрять тому, что слышалъ отъ Лонгинова, то и митрополитъ Филаретъ имѣлъ, конечно, не менѣе основаній довѣрять тѣмъ, кто сообщалъ ему о происходившемъ на Кладбищѣ. И выраженіе „заключаютъ“ министръ совсѣмъ невѣрно понялъ въ смыслѣ „предполагаютъ“. Напротивъ, изъ того обстоятельства, что служившій на Кладбищѣ отворялъ царскія врата и дѣлалъ возгласы, само собою слѣдовало несомнѣнное заключеніе, что это былъ лжесвященникъ, такъ какъ отворять царскія врата мірянинъ не можетъ, и дѣлать за службами возгласы мірянину не дозволяютъ и сами раскольники.

Однако министръ не рѣшился объявить прямо неосновательнымъ, или невѣрнымъ донесеніе митрополита, уже удостоенное особаго вниманія самимъ Государемъ; онъ предлагалъ слѣдующее мнѣніе:

„При такомъ разногласіи высшихъ въ Москвѣ властей, духовной и гражданской, самое существо дѣла указываетъ, что прежде постановленія какого-либо по сему дѣлу заключенія и принятія строгихъ по оному мѣрѣ, слѣдуетъ произвести подробное и формальное изслѣдованіе о томъ, какое именно служеніе произведено было раскольниками, какими обрядами оно сопровождалось¹⁾ и, въ особенности, не скрывался ли въ самомъ дѣлѣ, лжесвященникъ подъ лицомъ, отправлявшимъ служеніе, какъ о томъ заста- вляютъ догадываться дошедшія до высокопреосвященнаго Филарета свѣдѣнія.

„Разъясненіе этихъ обстоятельствъ посредствомъ тщательнаго изслѣдованія можетъ только одно повести къ

1) Подчеркнуто въ подлинникѣ.

правильному разрѣшенію разсматриваемаго вопроса и указать тѣ мѣры, которыя должны быть приняты сообразно съ существомъ дѣла“.

Итакъ министръ въ своемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ высказалъ мнѣніе, что прежде постановленія (конечно, въ Секретномъ Комитетѣ) какого-либо рѣшенія по возбужденному Московскимъ митрополитомъ дѣлу, особенно же „прежде принятія строгихъ по оному мѣръ“, необходимо „произвести подробное и формальное изслѣдованіе“ относительно справедливости изложеннаго въ донесеніи митрополита, каковое „изслѣдованіе“, должно быть, предполагалось поручить тому же смотрителю Кладбища — Лонгинову, къ донесеніямъ котораго министръ относился, какъ видно, съ полнымъ довѣріемъ.

Этимъ изложеніемъ своего мнѣнія, казалось, и могъ бы министръ ограничить свой докладъ; но онъ почелъ нужнымъ войти далѣе въ пространныя разсужденія о томъ, какъ незаконно и вредно было бы въ данномъ случаѣ прибѣгнуть къ строгимъ мѣрамъ относительно раскольниковъ и какъ вообще желательно, якобы въ интересахъ церкви и государства, устраненіе прежнихъ строгихъ мѣръ, предпринимавшихся противъ раскола. Министръ особенно высказывается противъ одной мѣры, которую, очевидно, предвидѣлъ и потому старался устранить, — противъ запечатанія рогожскихъ часовенъ.

„При весьма крутыхъ распоряженіяхъ, — писалъ онъ, — предпринятыхъ противъ рогожскихъ и преображенскихъ раскольниковъ во время управленія бывшаго министра Бибикова, правительство не рѣшилось однако же *опечатать ни рогожскихъ, ни преображенскихъ часовенъ*, хотя, повидимому, къ тому представлялся удобный случай, ибо тогда послѣдній священникъ поповщинской секты присоединился къ Единовѣрцію“.

Непонятно, какимъ образомъ присоединеніе къ церкви „послѣдняго священника поповщинской секты“ могло служить удобнымъ случаемъ къ опечатанію преображенскихъ, безпоповщинскихъ, часовенъ; а не воспользовались этимъ

случаемъ для запечатанія рогожскихъ часовенъ, конечно, потому, что ожидали въ близкомъ времени обращенія ихъ въ единовѣрческіе храмы и не имѣли основанія предполагать, что поповцы дерзнутъ открыть въ нихъ богослуженіе безъ поповъ, а тѣмъ болѣе, что они осмѣлятся ввести въ свои часовни поповъ запрещенныхъ, особенно же австрійскихъ ставленниковъ. Итакъ сослаться на прежнія правительственныя распоряженія въ настоящемъ случаѣ не было основанія.

Затѣмъ министръ говоритъ о вредѣ насильственныхъ мѣръ къ обращенію раскольниковъ въ единовѣрціе, и приводитъ въ доказательство печальныя будто бы послѣдствія изданнаго съ этою цѣлію распоряженія о гильдейскихъ повинностяхъ, воспользовавшись для этого, почти буквально, тѣмъ, что говорилось по сему предмету въ рапортѣ Лонгинова и на что Закревскій просилъ его обратить вниманіе Государя, но о чемъ, однако, онъ не находилъ нужнымъ говорить въ прежде заготовленномъ докладѣ. Это и все, чѣмъ министръ, къ сожалѣнію съ излишнимъ довѣріемъ, воспользовался теперь изъ рапорта Лонгинова и изъ письма Закревскаго.

Наконецъ, министръ входилъ въ общее разсужденіе о правительственныхъ мѣрахъ противъ раскола. Положивъ въ основаніе весьма правильное начало, что здѣсь „каждый шагъ правительства, каждое его распоряженіе должно быть предпринято съ постоянною осторожностію“, онъ рѣшительно высказывается противъ прежнихъ стѣснительныхъ мѣръ относительно раскола, тогда какъ митрополитъ Филаретъ, исходя изъ того же начала, считалъ на противъ необходимымъ „сохраненіе правилъ, данныхъ въ Бозѣ почивающимъ благочестивѣйшимъ Государемъ Императоромъ Николаемъ Павловичемъ“¹⁾, и находилъ, что здѣсь всякій попятный шагъ неблагопріятенъ, потому что придаетъ смѣлость врагу и *уменьшаетъ уваженіе къ*

¹⁾ Собр. мн. т. 4, стр. 10.

отступающему вспять правительству¹⁾). Министръ писаль:

„Успѣхи просвѣщенія общають болѣе пользы, нежели мѣры понудительныя, особенно при распространеніи образованности между лицами купеческаго сословія и при постоянномъ развитіи полезнаго ученія (?) между нашими сельскими священниками²⁾. Затрогивая расколъ живѣйшимъ образомъ въ учрежденіяхъ благотворительныхъ, можно ли ручаться, чтобы эта мѣра не произвела неблагоприятныхъ послѣдствій?³⁾ Но если даже гнѣздилище раскола⁴⁾ будетъ изъ Москвы вытѣснено, въ чемъ найдемъ мы ручательство, чтобы оно не утвердилось по разнымъ мѣстностямъ, отдаленнымъ отъ надзора правительственной силы и власти, гдѣ конечно будетъ гораздо труднѣе, если даже и вовсе невозможно, слѣдить и наблюдать за его (?) дѣйствіями⁵⁾. Можно даже опа-

1) Тамъ же стр. 47.

2) Это же говорятъ и Лонгиновъ въ своемъ рапортѣ и Мельниковъ въ своей запискѣ.

3) Въ томъ-то и дѣло, что Рогожское и Преображенское Кладбища не благотворительныя только учрежденія, а прежде всего религиозныя: благотворительностію только благовидно прикрывается для правительства ихъ въ сущности религиозный, раскольническій характеръ. Развѣ благотворительныя учрежденія имѣютъ прихожанъ, которыя въ огромномъ количествѣ считаются на томъ и другомъ Кладбищѣ, и развѣ имѣютъ по нѣскольку обширныхъ богато украшенныхъ храмовъ, какія опять имѣются на томъ и другомъ Кладбищѣ? Въ самомъ выраженіи: „затрогивать расколъ въ учрежденіяхъ благотворительныхъ“ есть внутренняя несообразность. Касаясь русскихъ благотворительныхъ учрежденій, можно затрогивать то общество русскихъ гражданъ, которымъ учрежденіе содержится; а коль скоро при этомъ затрогивается расколъ, затрогивается не общество гражданъ-благотворителей, а общество раскольниковъ, то значить учрежденіе не есть благотворительное, а религиозное, раскольническое. Къ сожалѣнію, въ правительственныхъ сферахъ и доселѣ смотрятъ на раскольническія Кладбища въ Москвѣ, какъ на учрежденія благотворительныя, совершенно опуская изъ вниманія ихъ религиозный характеръ, вредный для церкви и государства.

4) Итакъ Рогожское Кладбище и самъ министръ признаетъ уже не благотворительнымъ учрежденіемъ, а „гнѣздилищемъ раскола“!

5) Напротивъ, митр. Филаретъ, знавшій расколъ, надобно полагать, никакъ не меньше министра Ланского, рѣшительно говоритъ въ своемъ

саться, что въ такомъ случаѣ они обратятъ всѣ свои исканія къ заграничной лжемитрополи и будутъ ожидать опоры отъ мнимыхъ святителей, покровительствуемыхъ чужеземными правительствами. Въ настоящую же минуту, когда политическое положеніе Россіи воспріяло новый видъ, вопросъ этотъ болѣе нежели когда-либо долженъ обратить на себя вниманіе“.

Высказывается именно опасеніе, что старообрядцы начнутъ переселяться за границу, особенно подъ покровъ австрійской лжемитрополи въ Бѣлой-Криницѣ, и въ подтвержденіе этого опасенія дѣлается ссылка на „историческія событія и факты“, свидѣтельствующіе, что „во всѣ тѣ эпохи, когда расколъ въ Россіи былъ преслѣдуемъ крутыми мѣрами, сектаторы во множествѣ переселялись за границу“¹⁾. Наконецъ, говорится, что „подвергаясь стѣс-

днесеніи, что „ослабить расколъ на Рогожскомъ Кладбищѣ — значить ослабить его повсюду“ (*Собр. мн.* т. 4; стр. 82). А что выраженныя министромъ опасенія печальныхъ послѣдствій отъ того, если „гнѣздилище раскола будетъ вытѣснено изъ Москвы“, совсѣмъ напрасны, это показываютъ примѣры послѣдовавшаго въ царствованіе Императора Николая уничтоженія двухъ иодобныхъ „гнѣздилищъ“: знаменитыхъ безпоповщинскихъ Выгорѣцкихъ монастырей и поповщинскихъ Иргизскихъ, бывшихъ могущественными центрами безпоповщины и поповщины. Выгорѣцкихъ и Иргизскихъ раскольническихъ монастырей теперь нѣтъ почти и слѣда; съ уничтоженіемъ же этихъ центровъ раскола и самый расколъ значительно ослабѣлъ въ тѣхъ мѣстахъ, для которыхъ они служили центрами. То же было бы, конечно, и съ уничтоженіемъ Рогожскаго и Преображенскаго Кладбищъ, единственныхъ и важнѣйшихъ теперь центровъ раскола. Министръ опасался, какъ бы тогда московское „гнѣздилище раскола“, не утвердилось по разнымъ мѣстностямъ... гдѣ труднѣе, если даже и вовсе невозможно, слѣдить и наблюдать за его дѣйствіями“, т.-е. за дѣйствіями гнѣздилища. Но какъ скоро гнѣздилище разошлось бы „по разнымъ мѣстностямъ“, оно перестало бы быть „гнѣздилищемъ“, утратило бы для раскола притягательную силу его центра, его опоры. И наконецъ, что касается правительственнаго надзора надъ расколомъ, то лучше ли онъ въ столицѣ, гдѣ надзирали тогда гг. Лонгиновы, чѣмъ въ „разныхъ мѣстностяхъ?“ — это еще вопросъ.

1) Чтобы въ наше время раскольники, особенно московскіе, стали массами переселяться за границу, это дѣло невѣроятное; а что пре-

неніямъ въ отправленіи богослуженія, старообрядцы обратятся къ послѣдователямъ тайныхъ и болѣе опасныхъ сектъ, ускользающихъ отъ наблюденія правительства⁽¹⁾).

Въ нашу задачу не входитъ подробное обсужденіе мнѣній о желаемомъ отношеніи правительства къ расколу, изложенныхъ министромъ Внутреннихъ Дѣлъ въ его новомъ всеподданнѣйшемъ докладѣ. Мы желали только показать, что рѣшительно отличаясь отъ прежде составленнаго доклада своимъ содержаніемъ, вновь составленный былъ совершенно сходенъ съ нимъ по своему основному характеру, — и здѣсь министръ является, даже съ болѣею настойчивостью, противникомъ строгихъ мѣръ относительно Рогожскаго Кладбища и раскола вообще, является поборникомъ новой системы дѣйствования относительно раскола, основанной на либеральныхъ началахъ. Такимъ образомъ расколъ имѣлъ теперь защитника не только въ лицѣ смотрителя Лонгинова и генералъ-губернатора Закревскаго, защищавшихъ Рогожское Кладбище противъ „доноса“ (како они выражались) іеромонаха Пароенія, но и въ лицѣ министра Внутреннихъ Дѣлъ, выступавшаго съ защитою Кладбища уже не только противъ „доноса“ Пароенія, но и противъ донесенія митрополита Филарета. Возникалъ существенной важности вопросъ: чтѣ восторжествуетъ, — мнѣніе ли защитника существовавшей системы дѣйствования относительно раскольниковъ, считавшаго необходимымъ „сохраненіе правилъ“, изданныхъ Императоромъ Николаемъ, и считавшаго опаснымъ „всякій попятный отъ нихъ шагъ“, или

доставленіе свободы раскольникамъ-поповцамъ, котораго желалъ г. министръ, должно было способствовать, какъ справедливо опасался митр. Филаретъ, распространенію у насъ, въ предѣлахъ Россіи, австрійской жеіерархіи, это съ поразительной ясностью показало печальный опытъ наступившихъ временъ свободы раскола: извѣстно, какое множество явилось у раскольниковъ и существуетъ доселѣ и архіереевъ и поповъ австрійскаго поставленія, почти открыто являющихся и дѣйствующихъ повсюду.

¹⁾ См. прилож. № 6.

мнѣніе лицъ, прямо называвшихъ прежнюю систему „ложною“, подлежавшею отмѣнѣ, требовавшихъ свободы расколу, подъ влияніемъ и личныхъ расчетовъ и начавшихся „новыхъ вѣяній“.

Всеподданнѣйшій докладъ министра Внутреннихъ Дѣлъ, какъ видно изъ собственной его помѣты, былъ „выслушанъ“ Государемъ Императоромъ 20 апрѣля 1856 года. Какъ принялъ его Императоръ Александръ, остается неизвѣстнымъ; несомнѣнно одно, что согласно состоявшемуся уже повелѣнію Его Величества окончательное рѣшеніе дѣла могло послѣдовать только по разсмотрѣніи его въ Секретномъ Комитетѣ. Прошло послѣ этого болѣе мѣсяца до разсмотрѣнія дѣла въ Комитетѣ. Наводились ли относительно происшедшихъ на Рогожскомъ Кладбищѣ служеній справки, какихъ желалъ министръ, и какъ происходили самыя разсужденія въ Секретномъ Комитетѣ, свѣдѣній объ этомъ мы не имѣемъ; но изложенныя въ донесеніи митрополита Филарета основанія, почему отправлявшіяся при дозволенныхъ священникахъ службы въ часовняхъ Рогожскаго кладбища теперь, съ прекращеніемъ такихъ священниковъ, не могутъ быть допущены, Комитетъ призналъ достаточно убѣдительными и, согласно выраженному Государемъ Императоромъ требованію „принять неотложныя мѣры къ обузданію преступнаго своеволія раскольниковъ“, постановилъ слѣдующее рѣшеніе по дѣлу Рогожскаго Кладбища: „Запечатать олтари, какъ вовсе излишніе безъ священниковъ и недоступные для мірянъ, и дозволить раскольникамъ рогожскимъ приходять въ означенныя часовни только молиться про себя, безъ чтенія и пѣнія, какъ это и продолжалось съ ноября 1854 по 21 генваря сего 1856 года“⁽¹⁾. Постановленіе Комитета было представлено на

¹⁾ Этими послѣдними словами Секретный Комитетъ засвидѣтельствовалъ, что прекращеніе службъ на Рогожскомъ Кладбищѣ, въ которомъ Лонгиновъ, Закревскій и Ланской (въ первомъ докладѣ) видѣли противозаконное распоряженіе Мозжакова, послѣдовало правильно.

Изъ исторіи Рогожскаго Кладбища.

Высочайшее утверждение 20 июня 1856 года. Императоръ Александръ Николаевичъ не только изволилъ утвердить постановленіе Секретнаго Комитета, но и явнымъ образомъ засвидѣтельствовалъ при этомъ, что вполне раздѣляетъ изложенное въ донесеніи митрополита Филарета мнѣніе, которое Секретный Комитетъ положилъ въ основу своего постановленія, и что признаетъ необходимымъ „сохраненіе правилъ“ своего въ Бозѣ почившаго Родителя. На представленіи Секретнаго Комитета Его Величеству благоугодно было собственноручно начертать: „Исполнить, тѣмъ болѣе, что такъ какъ на Рогожскомъ Кладбищѣ священниковъ нѣтъ, и не должны быть допущаемы, если не присоединятся къ православію или единовѣрью, то и олтари для службы не нужны“¹⁾. По-

1) *Собр. мн.* т. 4, стр. 124. Что всеподданнѣйшій докладъ министра Внутреннихъ Дѣлъ не повліялъ на рѣшеніе Государя Императора въ настоящемъ случаѣ, напротивъ оказалось въ этомъ рѣшеніи полное согласіе съ мнѣніемъ, выраженнымъ въ донесеніи митрополита Филарета, этому, какъ можно предполагать, способствовало между прочимъ и бывшее предъ тѣмъ личное свиданіе Государя съ митрополитомъ въ Москвѣ, при которомъ могла быть рѣчь и о расколѣ. Въ письмѣ къ намѣстнику Троицкой Лавры отъ 1 апр. 1856 г. митрополитъ писалъ: „Государя Императора срѣтили мы благополучно. Онъ миренъ и милостивъ. *Сегодня былъ я у него въ кабинетѣ*“. Что при этомъ свиданіи была рѣчь именно о церковныхъ дѣлахъ, видно изъ другого митрополитичьего письма, отъ 9 апр., къ и. д. оберъ-прокурора Св. Синода Карасевскому: „О томъ, что вамъ превосходительство писали ко мнѣ, Государь Императоръ снисходительно удостоилъ меня услышать нѣчто изъ его собственныхъ устъ. Его Величество, ко благу святыхъ православныхъ церкви, изъявилъ свою Высочайшую волю — не допустить, чтобы домогательства терпимыхъ въ государствѣ вѣроисповѣданій могли ослабить преимущества господствующаго исповѣданія, утвержденныя государственными законами“ (*Собр. мн.* т. 4, стр. 97). Здѣсь говорится собственно о римско-католическомъ исповѣданіи; но въ связи съ нимъ могла быть рѣчь и о расколѣ, также стремящемся „ослабить преимущества господствующаго исповѣданія, утвержденныя законами“. Докладъ министра, какъ сказано выше, былъ 20 апр., — вскорѣ по возвращеніи Государя изъ Москвы, гдѣ происходило свиданіе съ митрополитомъ.

велѣніе Государя Императора было приведено въ исполненіе со всею точностію, — олтари въ обѣихъ часовняхъ Рогожскаго Кладбища запечатаны, доступъ въ нихъ раскольническимъ попомъ загражденъ.

Итакъ, правда восторжествовала на судѣ; сама Верховная власть объявила себя на сторонѣ защитниковъ церкви противъ открытыхъ и тайныхъ враговъ ея. Извѣстіе объ этомъ доставило великое утѣшеніе митрополиту Филарету. Онъ писалъ: „съ благодареніемъ къ Богу и къ благочестивѣйшему Государю Императору приѣмлю правосудіе, оказанное Его Императорскимъ Величествомъ и правительствомъ православію и единовѣрью“¹⁾. Но для чиновныхъ защитниковъ раскола въ Москвѣ и Петербургѣ такой исходъ дѣла о Рогожскомъ Кладбищѣ, вызваннаго письмомъ іеромонаха Паренія и потомъ донесеніемъ митрополита Филарета, былъ, разумѣется, весьма непріятенъ, а тѣмъ болѣе прискорбенъ для самихъ рогожскихъ раскольниковъ. Но для этихъ послѣднихъ утѣшеніемъ въ постигшемъ ихъ горѣ и даже источникомъ смѣлыхъ надеждъ служило то, въ высшей степени важное для нихъ, обстоятельство, что теперь они имѣли поддержку и союзниковъ въ правительственныхъ лицахъ, не менѣе, чѣмъ они сами, недовольныхъ постигнутою ихъ карою, желавшихъ и требовавшихъ предоставленія имъ свободы въ отправленіи богослуженія, — что на ихъ сторонѣ было теперь и „общественное мнѣніе“, — то общественное мнѣніе, о которомъ писалъ г. Лонгиновъ, котораго выразителемъ явилась либеральная пресса и которое постепенно становилось своего рода силою въ Россійскомъ государствѣ. Расколь-

Въ маѣ мѣсяцѣ Государь снова былъ въ Москвѣ — и это посѣщеніе ознаменовалось особымъ знакомъ Августѣйшаго вниманія именно къ единовѣрцамъ Рогожскаго Кладбища: Наслѣдникомъ Цесаревичемъ Николаемъ Александровичемъ дарована въ ихъ храмъ икона Святителя Николая. Черезъ мѣсяцъ послѣ этого послѣдовала и Высочайшая резолюція на представленіе Секретнаго Комитета.

1) *Собр. мн.* т. 4, стр. 124.

ники, съ свойственной имъ чуткостью, скоро поняли всю важность этого обстоятельства. Зная, что у нихъ есть опора, и опора сильная, они начали немедленно свои хлопоты о возстановленіи якобы поправныхъ правъ ихъ на Рогожскомъ Кладбищѣ, а въ сущности объ униженіи ненавистныхъ имъ единовѣрцевъ, водворившихся здѣсь.

Еще въ то время, когда смотритель Лонгиновъ писалъ свой знаменитый рапортъ въ ихъ защиту, о чемъ разумѣется раскольники имѣли точныя свѣдѣнія, они просили настойчиво о возвращеніи въ ихъ собственность одного изъ кладбищенскихъ богадѣленныхъ зданій, предоставленнаго единовѣрцамъ, — и на другой же день по представленіи своего рапорта Закревскому, именно 20 февраля 1856 г., Лонгиновъ объявилъ единовѣрцамъ распоряженіе генераль-губернатора возвратитъ зданіе раскольникамъ¹⁾. Въ маѣ мѣсяцѣ, когда по случаю дарованія единовѣрческой церкви на Рогожскомъ Кладбищѣ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ иконы святителя Николая готовилось здѣсь большое торжество, назначено было торжественное внесеніе этой иконы въ церковь при участіи самого митрополита Филарета, — рогожскіе раскольники, ободренные безнаказанностью своихъ враждебныхъ дѣйствій противъ единовѣрцевъ, рѣшились преступнымъ образомъ омрачить для нихъ этотъ праздникъ: за три дня до назначеннаго торжества, подъ 9-е число, накануне храмоваго праздника единовѣрческой церкви, во время совершавшагося въ ней всенощнаго бдѣнія, сгорѣла колокольня, при чемъ отъ сильнаго пламени расто-

¹⁾ По поводу этого распоряженія митрополитъ Филаретъ также сдѣлалъ донесеніе Св. Синоду, отъ 29 марта 1856 г. Къ А. И. Муравьеву онъ писалъ отъ 1 марта: „Вы почтете нелѣпостью, если скажу что *раскольники насъ хотятъ; но дѣло походитъ на это*. Напримѣръ прежде одно изъ строеній Рогожскаго богадѣленнаго дома отдано было единовѣрцамъ... Единовѣрческій староста употребилъ деньги на исправленіе сего зданія. Но теперь оно отнято. О благостояніи святыхъ Божіихъ церквей Господу помолимся“ (Пис. стр. 485—486).

пились и упали висѣвшіе на ней колокола. Это неожиданное событіе, такъ странно совпавшее съ особенно торжественными для единовѣрцевъ днями, общая молва приписывала злоумышленности раскольниковъ¹⁾. Послѣдовавшее затѣмъ Высочайшее повелѣніе о запечатаніи рогожскихъ алтарей было неожиданнымъ тяжкимъ ударомъ для раскольниковъ, и заставило ихъ обуздать свою дерзость, — но не надолго. По мѣрѣ того, какъ начало болѣе и болѣе проявлять себя сочувствіе расколу и въ правительственныхъ сферахъ и въ либеральной печати, возрастаетъ и смѣлость раскольниковъ. Безпощадное осужденіе прежней системы дѣйствованія въ отношеніи къ расколу, требованіе отмены стѣснительныхъ для него узаконеній и предоставленія раскольникамъ свободы въ ихъ религиозныхъ вѣрованіяхъ, особенно въ отправленіи богослуженій, такъ ясно выраженный въ рапортѣ Лонгинова, объявившаго себя въ этомъ случаѣ органомъ общественнаго мнѣнія, и не менѣе ясно чувствуемая во всеподданнѣйшемъ докладѣ министра Ланского, дѣлаются достояніемъ большинства правительственныхъ лицъ, дѣйствовавшихъ въ новомъ направленіи. Въ самомъ Секретномъ Комитетѣ раздаются голоса въ защиту раскола. Въ 1857 г. министръ Ланской уже поручаетъ г. Мельникову написать, въ духѣ своего доклада, записку о расколѣ для Великаго Князя Константина Николаевича, предсѣдательствовавшего въ Комитетѣ²⁾; для него же и

¹⁾ Единовѣрцы однакоже не позволили долго ликовать раскольникамъ: въ теченіе трехъ дней была устроена временная колокольня и приобрѣтенъ для нея полный звонъ, которымъ и встрѣчено было 13-го мая внесеніе иконы на Кладбище.

²⁾ Напечатано въ Сборн. Кельсіева. Даже Кельсіевъ ставитъ г. Мельникову въ вину, что, „желая полной свободы поповщинѣ“, онъ во всемъ винитъ православное духовенство, — „и въ томъ, что лѣнствуютъ, и въ томъ, что грабятъ, и въ томъ, что притѣсняютъ раскольниковъ, что не умѣютъ съ толкомъ преслѣдовать, и не знаютъ, что такое расколъ“.

въ томъ же духѣ пишетъ потомъ записку г. Фуксъ¹⁾. Либеральная пресса въ свою очередь начинаетъ не только защиту, но и прославленіе раскола. И вотъ чуткіе ко всему этому раскольники поднимаютъ голову, спѣшатъ обдѣлывать свои дѣла. Постепенно вводится небывалый дотолѣ обычай представленія раскольническихъ всеподданнѣйшихъ адресовъ, для составленія которыхъ являются съ своими услугами раскольникамъ интеллигентные люди; вводится еще болѣе не слыханный обычай личнаго представленія въ нарочитые праздники и дни раскольническихъ депутацій Государю Императору и членамъ Августѣйшаго семейства, также разнымъ высокопоставленнымъ лицамъ, съ выраженіемъ вѣрноподданническихъ чувствъ; посылаются даже (и печатаются) вѣрноподданническія телеграммы раскольниковъ; раскольники мало-по-малу создаютъ себѣ депутацію наивѣрнѣйшихъ гражданъ російскаго государства, и съ неимовѣрной дерзостью хотятъ заслонить собою въ этомъ званіи православный русскій народъ. А что всего важнѣе, подъ вліяніемъ либеральныхъ толковъ о расколѣ, увлекшихъ собою и правительство, пышнымъ цвѣтомъ расцвѣло среди русскаго народа, едва прозябавшее дотолѣ, австрійское лжесвященство, чего такъ справедливо опасался митрополитъ Филаретъ въ случаѣ „попятнаго шага“ отъ прежнихъ правительственныхъ дѣйствій относительно раскола. Антоній Шутовъ, дотолѣ скрывавшійся въ разныхъ труппахъ по окраинамъ Москвы и за Москвою, открыто поселяется въ столицѣ, совершаетъ торжественныя служенія въ богатыхъ раскольническихъ домахъ, ставитъ архіереевъ и поповъ для всей Россіи, собираетъ въ Москвѣ соборы, организуетъ цѣлое управленіе раскольническими

¹⁾ Ркп. Записка В. Фукса, при своемъ либеральномъ направленіи, отличается полнымъ незнаніемъ раскола въ его ученіи и исторіи. Достаточно сказать, что онъ производилъ расколъ отъ Мартина армянина.

„церковно-іерархическими“ дѣлами. Чтобы дать понятіе о томъ, какое множество раскольническаго мнимаго духовенства наплодилъ одинъ Антоній, достаточно сдѣлать справку въ его собственной запискѣ, которую онъ представилъ въ 1862 г. тогдашнему намѣстнику Бѣлокриницкой митрополіи — Онуфрію, передавая ему во временное управленіе „церковно-іерархическія“ дѣла русскихъ раскольниковъ. Въ этой запискѣ Антоній поименно перечислилъ всѣхъ архіереевъ и поповъ, произведенныхъ имъ съ 1852: оказалось, что въ теченіе десяти лѣтъ поставлено имъ шесть раскольническихъ архіереевъ и девятно поповъ для губерній Московской, Черниговской, Калужской, Смоленской, Владимірской, Нижегородской, Саратовской, Костромской, Пермской, Кавказской, Тверской, Петербургской, Воронежской, Пензенской, Рязанской, Псковской, Ярославской. Можно судить по этому, какое множество раскольническихъ поповъ явилось въ послѣдующее время, и поставленныхъ не однимъ уже Антоніемъ, а и прочими раскольническими лжеепископами, число которыхъ также значительно возросло...

Итакъ, во второй половинѣ того самаго десятилѣтія, когда возникалъ вопросъ о самомъ существованіи Рогожскаго Кладбища, а съ нимъ и вопросъ о дальнѣйшей судьбѣ всего поповщинскаго раскола, и когда вопросъ этотъ, повидимому, рѣшенъ былъ не въ пользу раскола самимъ Императоромъ Александромъ II-мъ, издавшимъ повелѣніе запечатать рогожскіе олтари и рѣшительно объявившимъ, что раскольническіе попы не должны быть допускаемы на Рогожское Кладбище, — во второй половинѣ этого самаго десятилѣтія, въ явный разрѣзъ съ мнѣніемъ защитниковъ существовавшей системы дѣйствования относительно раскольниковъ и въ разрѣзъ съ мнѣніемъ самой Верховной власти, но въ совершенное согласіе съ начавшимися въ государствѣ новыми вѣяніями, возникло въ средѣ самаго правительства стремленіе уничтожить прежнюю, якобы ложную систему правитель-

ственныхъ отношеній къ расколу, замѣнить ее новою, на либеральныхъ основаніяхъ, предоставить расколу полную свободу существованія, чего настойчиво требовала также и либеральная пресса, — и раскольники Рогожскаго Кладбища, искусно пользуясь именно этими новыми воззрѣніями на расколъ, громко выражавшимися повсюду, особенно этими новыми отношеніями къ нимъ въ правительственныхъ сферахъ, успѣли не только благополучно избавиться отъ угрожавшихъ имъ бѣдъ, но и достигли, къ концу минувшаго царствованія, такихъ успѣховъ, какихъ не имѣли, можно сказать, никогда. Одного только никакъ не могли они достигнуть, несмотря на всѣ старанія, — отмѣны Высочайшаго повелѣнія о запечатаніи рогожскихъ олтарей, основаннаго на твердо выраженномъ мнѣніи Государя, что раскольническіе попы „не должны быть допускаемы“ на Кладбище: олтари въ часовняхъ оставались запечатанными, и раскольническіе архіереи и попы, такъ свободно жившіе и служившіе въ Москвѣ, не являлись въ часовняхъ Рогожскаго Кладбища, и если проникали сюда, то развѣ въ особенныхъ случаяхъ и съ соблюденіемъ крайней осторожности. Но вотъ настало роковое, ужасное 1-е марта 1881 года. Рогожскимъ раскольникамъ приходилось приносить присягу на вѣрноподданство нынѣ благополучно царствующему Государю Императору, — и они воспользовались случаемъ ввести австрійскихъ поповъ на Рогожское Кладбище. Они обратились къ московскому начальству съ просьбою о принесеніи присяги въ кладбищенской часовнѣ, и не иначе, какъ предъ своимъ священникомъ. Теперь уже не было митрополита Филарета, который могъ бы объяснить раскольникамъ всю незаконность ихъ просьбы, особенно же послѣ того, какъ самую Верховною властію объявлено, что раскольническіе священники „не должны быть допускаемы“ на Кладбище, — который могъ бы, какъ въ 1855 г., убѣдить ихъ краткими увѣщаніями — подчиниться закону. Теперь, не

вникнувъ надлежащимъ образомъ въ дѣло, разрѣшили раскольникамъ-поповцамъ на сей единственно разъ привести австрійскаго попа въ Рогожскую часовню и въ его присутствіи принести присягу. Раскольники воспользовались дозволеніемъ и ввели своихъ поповъ на Кладбище не ради одного, указаннаго имъ, случая, а на всегдашнее тамъ пребываніе, организовали на Кладбищѣ цѣлый штатъ изъ нѣсколькихъ поповъ и дьяконовъ, устроили для нихъ вновь удобныя помѣщенія въ самыхъ стѣнахъ Кладбища и открыли въ часовняхъ постоянныя, ежедневныя службы съ попами и дьяконами... Такъ нарушена была твердо выраженная воля въ Бозѣ почившаго Императора Александра II-го: „раскольническіе священники *не должны быть допускаемы* на Рогожское Кладбище!“ Видя, что московское правительство снисходительно, сквозь пальцы смотритъ на это ихъ дерзкое нарушеніе воли покойнаго Государя, съ теченіемъ времени раскольники позволили себѣ новую, еще большую дерзость. Такъ какъ при запечатанныхъ олтаряхъ, при невозможности проникнуть въ нихъ, раскольническіе попы не могли оправлять въ рогожскихъ часовняхъ важнѣйшей изъ службъ — литургіи, совершеніе которой было особенно желательно имъ, и такъ какъ снятъ печати съ олтарей, положенныя по Высочайшему повелѣнію, не могла рѣшиться никакая власть въ Москвѣ, а также не смѣли и сами раскольники, то они придумали — тутъ же, у запечатаннаго олтаря, придѣлать новый, со всѣми олтарными принадлежностями. Придѣлали дѣйствительно, и открыли на Кладбищѣ торжественное служеніе литургіи австрійскими попами, конечно, не безъ вѣдома московскихъ полицейскихъ властей. Это было въ высшей степени наглымъ, открытымъ осмѣяніемъ Высочайшей воли, о которой такъ ясно свидѣтельствовали тутъ же стоящіе запечатанные олтари.

Въ „Братскомъ Словѣ“ 1884 и 1885 гг. мы не мало говорили объ этомъ дерзкомъ глумленіи рогожскихъ

раскольниковъ надъ остававшимся въ полной силѣ Высочайшимъ повелѣніемъ; нарочно побывавъ на Кладбищѣ за соборнымъ служеніемъ раскольниковъ поповъ, мы подробно описали даже все устройство незаконно приставленнаго раскольниками новаго алтаря къ запечатанному по Высочайшей волѣ¹⁾, — и имѣли потомъ утѣшеніе сообщить нашимъ читателямъ о послѣдовавшемъ распоряженіи — снять незаконно устроенный алтарь. Алтарь этотъ дѣйствительно убранъ и остающееся въ силѣ повелѣніе Императора Александра II-го о запечатаніи рогожскихъ алтарей, безъ сомнѣнія, ограждено уже на будущее время отъ новыхъ подобныхъ осмѣяній. Но уничтоживъ одну противозаконность, къ сожалѣнію, не уничтожили другую, тѣснѣйшимъ образомъ съ ней связанную: незаконно устроенный алтарь удаленъ съ Кладбища, а незаконно введенные на Кладбище попы, незаконно служившіе въ этомъ алтарѣ, оставлены и доселѣ продолжаютъ отправлять въ кладбищенскихъ часовняхъ, при запечатанныхъ алтаряхъ, свои соборныя, торжественныя служенія. Но вѣдь каждое ихъ служеніе въ сущности есть не что иное, какъ опять глумленіе надъ изреченнымъ съ высоты Престола словомъ: раскольниковскіе попы и ихъ служенія *не должны быть допускаемы* въ часовняхъ Рогожскаго Кладбища. Доколь же будетъ продолжаться такое глумленіе? И если признано необходимымъ преградить возможность къ нарушенію пребывающаго въ силѣ Высочайшаго повелѣнія о запечатаніи алтарей, — нарушенію хотя бы косвенному, чрезъ устроеніе при нихъ новыхъ и временныхъ: то можно ли терпѣть прямое и открытое нарушеніе того, что положено въ основу этого Высочайшаго повелѣнія, — нарушеніе царскаго слова, что на Рогожское Кладбище *не должны быть допускаемы* раскольниковскіе попы, а потому не нужны и олтари?..

¹⁾ Брат. Сл. 1885 г. т. 2, стр. 227.

Тридцатилѣтній печальный опытъ достаточно показалъ, какихъ успѣховъ достигъ расколъ на Рогожскомъ Кладбищѣ (а также и повсюду) при новой системѣ правительственныхъ отношеній къ нему, основанной на такъ называемыхъ либеральныхъ началахъ, — какъ ошиблись тѣ, которые, помимо другихъ соображеній и расчетовъ, хотѣли видѣть въ этой системѣ наиболѣе вѣрное средство къ ослабленію раскола, и какъ напротивъ вѣрно смотрѣли на дѣло, какъ справедливы были тѣ, которые утверждали, что всякій попятный шагъ правительства отъ принятой до 1855 г. системы дѣйствования относительно раскола неизбѣжно принесетъ вредъ и церкви и государству. На Рогожскомъ Кладбищѣ расколъ достигъ теперь полного процвѣтанія; а между тѣмъ вполне вѣрно и всякаго пріятія достойно слово приснопамятнаго митрополита Филарета: „подкрѣпить расколъ на Рогожскомъ Кладбищѣ — значитъ подкрѣпить его даже до отдаленнаго края Сибири, и, напротивъ, ослабить его на Рогожскомъ Кладбищѣ — значитъ ослабить его повсюду“¹⁾. Развивая и обобщая это несомнѣнно справедливое замѣчаніе, можно выразить его и такъ: уничтожить расколъ на обоихъ раскольниковскихъ Кладбищахъ Москвы, на Рогожскомъ и Преображенскомъ, — значитъ лишить его силы и подпоры повсюду въ Россійскомъ государствѣ, и, напротивъ, подкрѣплять и усиливать расколъ на этихъ Кладбищахъ — значитъ способствовать укрѣпленію и усиленію его во всѣхъ предѣлахъ нашего православнаго отечества....

¹⁾ См. прилож. № 4.

оканчивать возникавшія безпрестанно отъ крутости и несправедливости принимавшихся въ прежнее время мѣръ¹⁾ недоумѣнія посредствомъ личныхъ соглашеній и другихъ тому подобныхъ способовъ, я почелъ себя не въ правѣ своевольно рѣшать встрѣчавшіеся вопросы. Я рѣшился не дѣлать никакого, даже маловажнаго распоряженія, не испросивши напередъ разрѣшенія вашего сіятельства, что особенно было необходимо въ дѣлахъ, столь запутанныхъ и щекотливыхъ²⁾. Малѣйшее происшествіе было доведено до вашего свѣдѣнія. А потому мнѣ остается теперь не излагать, а только приблизительно перечислить тѣ несправедливости и самоуправства, которыя я по совѣсти не могъ продолжать и на пресѣченіе коихъ я получалъ постепенно приказанія вашего сіятельства, согласныя во всемъ съ мнѣніемъ нынѣшняго г. министра Внутреннихъ Дѣлъ³⁾.

Я нашелъ на Рогожскомъ Кладбищѣ раскольниковъ и ихъ имущество жертвами самыхъ произвольныхъ распоряженій. 30.000 прихожанъ и 600 слишкомъ призрѣваемыхъ раскольниковъ считались ничѣмъ въ сравненіи съ новоприсоединенными единовѣрцами, которыхъ призрѣвается не болѣе 25, а другихъ присоединившихся 1500, изъ коихъ даже не всѣ московскіе жители, а слѣдовательно и не прихожане Кладбища. Да и самое число 1500 есть мечтательное и существуетъ только на бумагѣ, какъ увидимъ

¹⁾ Но вѣдь эти крутыя и будто бы несправедливныя мѣры принимались по распоряженію министра, даже по Высочайшему повелѣнію, а въ губернаторство гр. Закревскаго и съ его вѣдома. *Ред.*

²⁾ То-есть въ какихъ? Г. Лонгиновъ въ качествѣ литератора не заботился, очевидно, о точности выраженій, необходимыхъ въ официальной бумагѣ. *Ред.*

³⁾ Итакъ несправедливости и самоуправства приписываются именно прежнему министру, исполнявшему въ своихъ распоряженіяхъ относительно раскола волю императора Николая. А если новыя распоряженія дѣлались „согласно съ мнѣніемъ“ новаго министра, то говорить о своей „совѣсти“ г. Лонгинову было уже совсѣмъ излишне. *Ред.*

ПРИЛОЖЕНІЯ

1. Рапортъ исправл. д. смотрителя Рогожскаго богадѣленнаго Дома г. Лонгинова Московскому Военному г.-губернатору, отъ 18 февр. 1856 г., за № 24.

Вслѣдствіе секретнаго предписанія вашего сіятельства отъ 16 февр. за № 234, я осмѣлюсь войти въ нѣкоторыя подробности, коими надѣюсь вполне опровергнуть ложные слухи, распушенные не знаю кѣмъ, но во всякомъ случаѣ внушенные безсильною злобою противъ послѣднихъ справедливыхъ и полезныхъ мѣръ, принятыхъ правительствомъ относительно раскольниковъ¹⁾. Заранѣе прошу ваше сіятельство позволить мнѣ письменно со всегдашнею моею откровенностью изложить здѣсь обстоятельства, подавшія поводъ къ выдумкамъ, которыя доведены были до свѣдѣнія вашего.

Вашему сіятельству извѣстно, въ какомъ положеніи засталъ я дѣла Рогожскаго Кладбища въ сентябрѣ минувшаго года, при назначеніи меня временно исправлять должность смотрителя онаго. При всемъ моемъ желаніи

¹⁾ Примѣчательна эта смѣлость, съ какою губернаторскій чиновникъ въ официальной бумагѣ говоритъ о „безсильной злобѣ“ человека, который, сообщая въ Петербургъ о торжествѣ, устроенномъ рогожскими раскольниками, руководился несомнѣнно лишь ревностію о благѣ церкви. И трудно допустить, чтобы г. Лонгиновъ „не зналъ“, о комъ идетъ рѣчь. Между нимъ и гр. Закревскимъ было, разумѣется, только условлено, что онъ въ своемъ рапортѣ не будетъ упоминать объ о. Паревніи и его письмѣ, „конфиденціально“ сообщенномъ отъ министра генералъ-губернатору. *Ред.*

ниже. Освященіе Никольской церкви въ оградѣ Кладбища ¹⁾ поставило тѣхъ и другихъ въ неизбѣжныя столкновенія, въ коихъ единовѣрцы часто противъ всѣхъ правилъ справедливости оказывались правы, а раскольники, запуганные принимавшимися противъ нихъ частными и общими мѣрами, или присоединялись по видимости къ ихъ числу, или переносили придирки, обиды и гоненія ²⁾.

Я не нахожу именованій другихъ для дѣйствій въ родѣ слѣдующихъ, о коихъ я своевременно доводилъ до свѣдѣнія вашего.

1. Своевольное отнятіе у раскольниковъ богадѣленной палаты на 40 человѣкъ, въ противность воли умершаго строителя оной и сына его, вслѣдствіе чего больные, тамъ прежде жившіе, переведены въ другія палаты; они заражали тамъ воздухъ и беспокоили призрѣваемыхъ въ оныхъ (рап. мой 28 сент. № 49 и 4 окт. № 55).

2. Несогласное съ давнишнимъ правиломъ и 1012 ст. XIII т. св. зак. (изд. 1842 г.) произвольное прекращеніе увольненія призрѣваемыхъ, подающихъ просьбы, выбывать изъ богадѣльни вовсе (рап. 4 окт. № 56).

3. Помѣщеніе даромъ въ домъ, принадлежащемъ частному лицу изъ раскольниковъ, единовѣрческой богадѣльни въ то время, когда о частной собственности въ оградѣ Кладбища производилось дѣло и доселѣ не рѣшенное. Вслѣдствіе сего хозяинъ дома завелъ дѣло въ Управѣ

¹⁾ Не должно забывать, что освященіе этой церкви Императоръ Николай привѣтствовалъ словами: „Слава Богу! доброе начало!“ *Ред.*

²⁾ Достойны крайняго удивленія эти рѣзкіе, неприличные отзывы о прежнемъ управленіи Рогожскаго Кладбища. Если оно и увлекалось желаніемъ поставить только-что возникшее на Кладбищѣ единовѣріе въ наилучшія условія существованія, это очень понятно въ православному человѣкѣ; но чѣмъ объяснить безпримѣрное увлеченіе г. Лонгинова въ пользу раскольниковъ и нескрываемую вражду его къ единовѣрцамъ, которыхъ онъ дѣйствительно считалъ уже „ничѣмъ“? А его жалость къ бѣднымъ, „запуганнымъ“ раскольникамъ просто смѣшна. Раскольники, особенно рогожскіе, народъ не особенно пугливый.

Ред.

Благочинія, компрометирующее и бывшаго смотрителя и старосту единовѣрческой церкви (рап. 29 окт. № 71 и 12 нояб. № 80).

4. Бесплатное распределеніе, по произволу, единовѣрческаго причта по частнымъ раскольническимъ домамъ, возбуждавшее словесныя и письменныя жалобы (рап. 29 окт. № 71).

5. Самовольное приобщеніе къ кассѣ богадѣленнаго дома билета въ 20 т. р. асс., о возвращеніи коего ведется наслѣдниками завѣщателя процессъ судебнымъ порядкомъ, неблаговидный для бывшаго смотрителя ¹⁾, отказавшагося подъ самымъ неосновательнымъ предлогомъ выслать сей билетъ въ магистратъ по его требованію (рап. 5 окт. № 75 и 16 февр. № 23) ²⁾.

6. Троекратное приказаніе выдавать въ единовѣрческую церковь изъ раскольническихъ часовенъ церковныя книги и принадлежности и дорогія облаченія, распоряженіе неблаговидное для единовѣрцевъ, впрочемъ ими же возбужденное, стѣснительное для раскольническихъ попечителей, на отвѣтственность коихъ возложено множествомъ

¹⁾ Второй разъ уже г. Лонгиновъ дѣлаетъ намеки на „неблаговидныя“ въ денежномъ отношеніи дѣйствія „бывшаго смотрителя“. Но полная безупречность въ этомъ отношеніи г. Мозжакова не подлежитъ сомнѣнію и не подвергалась такому же со стороны ненавидѣвшихъ его раскольниковъ; а безупречность самого г. Лонгинова, такъ радѣвшаго о расколѣ, ничѣмъ не доказана.

Ред.

²⁾ Всѣ эти пять пунктовъ свидѣтельствуютъ только о томъ, что, ободренные увольненіемъ Мозжакова, раскольники спѣшили къ новому смотрителю съ жалобами на мнимыя нарушенія уволеннымъ принадлежавшихъ имъ правъ собственности на Кладбищѣ, а новый смотритель спѣшилъ исполнять ихъ просьбы, входя съ представленіями по ихъ жалобамъ къ генераль-губернатору. Несправедливость же упоминаемыхъ здѣсь раскольническихъ жалобъ видна изъ того, что права собственности на Кладбище принадлежали не однимъ раскольникамъ, но и единовѣрцамъ, бывшимъ прихожанамъ того же Кладбища; но этого-то именно и не хотѣли принять въ соображеніе ни Лонгиновъ, ни гр. Закревскій.

Ред.

прихожанъ часовенъ храненіе общаго имущества; наконецъ несправедливое, ибо все отнятое у раскольниковъ пожертвовано было издавна въ часовни (рап. 19 нояб. № 88) ¹⁾.

7. Придирчивые и ни къ чему не ведущіе обыски у раскольниковъ (рап. 27 дек. № 102) ²⁾.

8. Неслыханное самоуправство въ запрещеніи раскольникамъ отправлять въ часовняхъ Кладбища службы, не требующія участія священника, чѣмъ явно нарушена была 60 ст. XIV т. св. зак. и сепаратное Высочайшее

¹⁾ Для доказательства лживости сказаннаго въ этомъ пунктѣ достаточно привести слова митрополита Филарета, по поводу подобной жалобы самихъ раскольниковъ въ ихъ прошеніи на Высочайшее имя: „Въ прошеніи говорится (писаль митрополитъ), что отобраны иконы, облаченія и утвари. Это несправедливо. Двѣ огромныя часовни оставлены у раскольниковъ неприкосновенными со всеѣмъ ихъ украшеніемъ. Изъ облаченій взято весьма мало на нужду единовѣрческой церкви, и единовѣрцы имѣютъ право требовать большаго въ свою церковь“. Кстати, повторимъ, что писалъ о правѣ собственности м. Филаретъ тутъ же по поводу жалобы рогожскихъ раскольниковъ, что „молитвенные храмы ихъ, кромѣ двухъ часовенъ, отобраны“: „Часовни, какъ и церкви, суть достояніе, посвященное Богу, не принадлежащее частнымъ лицамъ, но для употребленія принадлежащее всему обществу, къ нимъ принадлежащему. Нынѣшнее общество рогожскихъ единовѣрцевъ было прежде въ составѣ общества рогожскихъ раскольниковъ, участвовало во вкладыхъ въ часовни и имѣло право съ прочими пользоваться ими. Отдѣляясь отъ раскольниковъ, и притомъ входя изъ незаконнаго въ законное положеніе, единовѣрцы имѣли право взять одну изъ часовенъ, и въ уваженіе своей законности могли требовать лучшей изъ часовенъ. Но они поступили скромно, и испросили меньшую. Итакъ безъ преувеличенія можно сказать, что вышеназложенная статья прошенія раскольниковъ написана не только ложно, но и безсовѣстно“ (Собр. м. т. 4, стр. 46). То же слѣдуетъ сказать и о разсматриваемой статьѣ рапорта г. Лонгинова. Ред.

²⁾ Но обыски эти производились на основаніи полномочія, даннаго Мозжакову министромъ Внутреннихъ Дѣлъ по Высочайшему повелѣнію (Собр. постановл. вып. 2, стр. 428), и не безъ вѣдома московскаго генералъ-губернатора; не правда и то, что будто они не вели ни къ чему, — они вели иногда къ открытію расколическихъ поповъ австрийскаго поставленія. Ред.

повелѣніе, и на какое запрещеніе по отзыву г. министра Внутреннихъ Дѣлъ отъ 15 генв. № 129 не было никогда ни испрошено, ни дано разрѣшеніе министерства (рап. 8 генв. № 4) ¹⁾.

9. Явное покровительство не справедливымъ притязаніямъ всякаго, кто только называлъ себя единовѣрцемъ (рап. быв. смот. бывшему Мин. Внутр. Дѣлъ 17 марта 1855 г. № 44, о выдачѣ попадѣ Петровой изъ часовни образа, будто ей принадлежащаго) ²⁾.

10. Множество разныхъ обстоятельствъ, миновавшихъ бумажное дѣлопроизводство, но безпрестанно возникающихъ на дѣлѣ. Вѣроятно, что время откроетъ еще многія распоряженія подобнаго рода ³⁾.

¹⁾ Хотя вслѣдъ за Лонгиновымъ и Закревскій и Ланской обвиняли Мозжакова въ такомъ „самоуправствѣ“, но, по мнѣнію митр. Филарета, закрытіе службъ послѣдовало или само собою, за немнѣнимъ поповъ, или по распоряженію изъ министерства. Высылка же дьячковъ, ненужныхъ болѣе по прекращеніи службъ, послѣдовала, какъ свидѣтельствуетъ самъ Мозжаковъ, по распоряженію гр. Закревскаго (Брат. Сл. 1889 г. т. 2, стр. 553): ясно, что этому послѣднему было извѣстно прекращеніе службъ на Кладбищѣ и противозаконнымъ не представлялось. Но всего важнѣе то, что и самъ секретный Комитетъ, въ своемъ опредѣленіи по настоящему дѣлу, которое утвердилъ Императоръ Александръ Николаевичъ, призналъ прекращеніе службъ на Рогожскомъ Кладбищѣ правильнымъ. Ред.

²⁾ Общее и голословное обвиненіе. Ред.

³⁾ Чтобы довести число обвинительныхъ пунктовъ до десяти, г. Лонгиновъ говоритъ здѣсь даже о разныхъ обстоятельствахъ и распоряженіяхъ, „вѣроятно“, имѣющихъ открыться... Не излишне привести здѣсь въ доказательство несправедливости всеѣхъ изложенныхъ обвиненій собственные слова Мозжакова изъ докладной записки, которую онъ подалъ министру въ ноябрѣ 1855 года: „Вступивъ по Высочайшему повелѣнію въ должность смотрителя Рогожскаго Кладбища, я нашелъ при повѣркѣ паспортовъ несходство примѣтъ прирѣваемыхъ и живущихъ въ Рогожскомъ богадѣленномъ домѣ, а съ тѣмъ вмѣстѣ обнаружилъ и незаконно принятыхъ въ богадѣльню раскольниковъ и православныхъ. Для разбора этого учреждена была г. министромъ коммиссія, въ которой, въ послѣднее время, былъ я предсѣдателемъ. По должности смотрителя я завелъ на Рогожскомъ

Изъ исторіи Рогожскаго Кладбища.

Все это произведено было съ небольшимъ въ годъ. Легко можно судить, каковъ былъ этотъ годъ для раскольниковъ вообще, не только на Рогожскомъ Кладбищѣ, если взять въ соображеніе разнаго рода понудительныя мѣры къ обращенію ихъ въ единовѣріе, — мѣры, не принесшія никакой пользы¹⁾, ибо ими обращено весьма малое число, и то только по наружности (а кто именно и почему, сейчасъ увидимъ); масса же, несмотря на оныя, а можетъ быть раздраженная насиліемъ, осталась въ расколѣ явно.

Указъ о припискѣ съ 1 января 1855 г. раскольниковъ купцовъ въ мѣщане былъ уже одинъ причиною, побудившею многихъ притворно присоединиться къ единовѣрію, для спасенія дѣтей и внуковъ отъ рекрутства и для сохранения сословныхъ и торговыхъ преимуществъ²⁾. Изъ всѣхъ доказательствъ приведу фактъ, ничѣмъ не опровержимый.

Число всѣхъ присоединившихся къ единовѣрческой церкви Рогожскаго Кладбища по 1 генв. сего 1856 г. простирается (по показаніямъ священника оной) до 1570 человекъ.

Присоединеніе началось 18 сент. 1854 г. и вслѣдствіе разныхъ приманокъ (?!) и угрозъ (?!) представляетъ по 29 дек. т.-е. въ 3¹/₂ мѣсяца все-таки не болѣе 572 чел.

Кладбищѣ отчетность и привелъ въ точную извѣстность все имущество Кладбища, чего прежде никогда не было, а распоряжались всѣмъ такъ называемые попечители по своему произволу, какъ хотѣли. Понятно, что попечители не могли быть довольны Мозжаковымъ и бросились, при первой возможности, съ жалобами на него къ Лонгинову.

Ред.

¹⁾ Здѣсь и далѣе г. Лонгиновъ позволяетъ себѣ говорить съ развязностію о дѣлѣ, котораго совсѣмъ не понималъ и о которомъ митрополитъ Филаретъ, конечно, понимавшій дѣло лучше г. Лонгинова, былъ иного мнѣнія.

Ред.

²⁾ Итакъ губернаторскій чиновникъ въ рапортѣ начальнику проноситъ осужденіе распоряженію, изданному отъ Верховной власти!

Ред.

Вдругъ, въ 2 дня, 30 и 31 декабря, присоединено 541 человекъ, и изъ нихъ 539, т.-е. за исключеніемъ только 2-хъ, почетные граждане и купцы.

Цыфра эта краснорѣчива сама по себѣ, и дѣло ясно: чрезъ день новый 1855 годъ, — срокъ пропущенъ и права потеряны. Старики ѣдутъ на Кладбище и берутъ у священника свидѣтельства о присоединеніи ихъ будто бы(?) къ единовѣрію со всѣми семействами, а правительство вводится въ обманъ мнимыми цыфрами успѣха противъ раскола¹⁾. Между тѣмъ въ единовѣрческую церковь, даже въ праздники, изъ означенныхъ мнимыхъ 1500 единовѣрцевъ собирается къ службѣ человекъ 20 или 25, и то по большей части призраваемыхъ въ богадѣльнѣ при церкви старухъ. Я не имѣю ни надобности, ни права повѣрять, какіе требуются при присоединеніи обряды, обязательства и проч. Но какъ же вѣрить правильности и искренности онаго, когда мнѣ, кромѣ изложеннаго, извѣстно по дѣламъ, что по смерти упомянутыхъ стариковъ, главъ семейства, наслѣдники ихъ говорятъ, что присоединены никогда не были и записаны въ церковныя книги отцами безъ вѣдома. Иные даже утверждаютъ, что никогда въ глаза не видали священника²⁾. Въ послѣднее время, въ короткий срокъ возникло три слѣдствія по присоединенію купцовъ: Мусориныхъ, Соловьевыхъ и Казаковыхъ; семейство послѣднихъ состоитъ изъ 19 лицъ. Священникъ, показавшій ихъ всѣхъ присоединенными, 30 дек. 1854 г.,

¹⁾ Но кѣмъ же вводится? — конечно этими стариками-раскольниками, которые обманываютъ и священниковъ и правительство притворнымъ заявленіемъ о готовности присоединиться къ церкви. Между тѣмъ г. Лонгиновъ и не думаетъ обвинять раскольниковъ, а обвиняетъ священниковъ и правительство, которыхъ раскольники обманывали.

Ред.

²⁾ При огромномъ заразѣ наплывѣ раскольниковъ, заявлявшихъ о готовности присоединиться, легко могли произойти непорядки въ веденіи дѣла; однако на свидѣтельства самихъ раскольниковъ, которыя указываетъ г. Лонгиновъ, нельзя же полагаться.

Ред.

самъ письменно признается, что по смерти главы семейства, послѣдовавшей въ июль 1855 г. (т.-е. до вступленія моего въ должность и ранѣ разрѣшенія раскольникамъ молиться въ часовняхъ, — разрѣшенія, которому приписываютъ силу поколебанія мнимыхъ убѣжденій единовѣрцевъ и поверженія ихъ въ уныніе) старшій сынъ покойнаго, тоже показанный въ числѣ единовѣрцевъ, жестоко противился тому, чтобы тѣло отца его отпѣвалъ священникъ, а хотѣлъ похоронить оное безъ всякихъ обрядовъ¹⁾. То же было и съ другимъ членомъ семейства Казаковымъ.

Итакъ нѣтъ сомнѣнія, что страхъ рекрутства и потери правъ былъ причиною присоединенія, и притомъ почти единственною; она перевела насильственно въ единовѣріе 1113 человекъ въ три мѣсяца; а по прошествіи роковаго срока въ цѣлый годъ присоединено только 447 чел., и то по большей части въ первое время, а въ послѣдніе мѣсяцы, даже при прежнемъ управленіи, въ мѣсяць присоединилось отъ 15 до 5 чел. (Рап. 15 окт. № 64, 16 нояб. № 87 и 23 дек. № 101). Это малое число состоитъ уже не изъ богатыхъ купцовъ, а мѣщанъ и крестьянъ²⁾. Для привлеченія ихъ употребляются разныя мѣры, лишь бы какъ нибудь увеличить то число³⁾. Напр. однажды привлечена была къ присоединенію раскольница, признанная умали-

1) Г. Лонгиновъ указываетъ именно случай крайней наглости раскольниковъ; и однакоже винить за нее не раскольниковъ. А чтобы кто-нибудь изъ раскольниковъ-поповцевъ рѣшился требовать похоронъ „безъ всякихъ обрядовъ“, это можетъ говорить только человекъ совсѣмъ незнакомый съ расколомъ.
Ред.

2) Такимъ образомъ въ глазахъ г. Лонгинова имѣетъ значеніе не присоединеніе раскольника къ церкви, а то, купецъ, или мѣщанинъ и крестьянинъ присоединившійся. Но то самое, что присоединялись не купцы, для которыхъ дорого было сохранить свои гильдейскія права, а мѣщане и крестьяне, служитъ свидѣтельствомъ искренности присоединенія. Г. Лонгиновъ запутался, не понимая дѣла, о которомъ вздумалъ говорить.
Ред.

3) Но это голословное обвиненіе; упоминаемый далѣе частный случай ничего не доказываетъ.
Ред.

шенною въ Губерн. Правленіи и по сей причинѣ удаленная за годъ до того съ Кладбища (Рап. 12 нояб. № 83). И о возвращеніи золотого времени подобныхъ продѣлокъ хлопчуть выдумщики ложныхъ слуховъ¹⁾.

Самымъ очевиднымъ слѣдствіемъ на Кладбищѣ такого хода дѣлъ было то, что меньшинство явилось тамъ хозяевами. Мнимо-присоединенные богачи въ церковь не ходили и ничего почти не жертвовали ни въ нее, ни въ единовѣрческую богадѣльню. Пришлось насильно брать у раскольниковъ церковныя принадлежности: книги, облаченія, даже дрова и припасы, и размѣщать причтъ и богадѣльню даромъ въ частныхъ домахъ, чего не дѣлали сами хозяева-раскольники²⁾. Видя, что жертвуемое для раскольническихъ богадѣленъ поступаетъ часто для другой цѣли³⁾, богатые прихожане-раскольники перестали дѣлать приношенія, коими почти единственно содержатся призрѣаемые. Дѣло дошло до того, что бывшій смотритель доносилъ бывшему министру В. Д., что всѣ источники содержанія Богадѣленнаго Дома изсякаютъ (рап. 5 янв. 1855 г.). Подобнаго случая не было никогда съ основанія онаго. Я управляю онымъ 5 мѣсяцевъ, и ни разу не взялъ изъ кассы ни копейки на его содержаніе: оно покрывается пожертвованіями и отчасти свѣчнымъ сборомъ. Не будь сихъ приношеній, богадѣльню пришлось бы закрыть, что едва ли было бы сообразно съ видами правительства, или отпускать на нее изъ казны десятки тысячъ руб. сер. въ годъ⁴⁾.

1) Вотъ какимъ языкомъ начинали говорить либеральные чиновники въ своихъ „рапортахъ“ начальству!
Ред.

2) Изъ приведеннаго выше разъясненія правъ единовѣрцевъ на кладбищенскія владѣнія, сдѣланнаго митрополитомъ Филаретомъ, понятно, въ какое пустословіе вдается здѣсь радѣющій объ интересахъ раскола г. Лонгиновъ.
Ред.

3) Какой?
Ред.

4) Г. Лонгиновъ пишетъ здѣсь нѣчто невѣроятное; а опасеніе возможнаго закрытія раскольниками богадѣльни, т.-е. Рогожскаго Кладбища, просто смѣшно. Развѣ возможное дѣло, чтобы расколь-

Вотъ уже 5 мѣсяцевъ, какъ будучи исполнителемъ приказаній вашего с—ва я служу съ удовольствіемъ орудіемъ прекращенія и исправленія неправды, несправедливости, самоуправства и противозаконныхъ дѣяній. По указаніямъ вашимъ возстановляются права притѣсненныхъ и укрощается своеволие неправильно присвоившихъ себѣ право распоряжаться (?). Не удивительно, что это кажется вопіющею несправедливостію симъ послѣднимъ, какъ и всѣмъ тѣмъ, кто имѣлъ причины выставлять мнимо-блестящіе результаты присоединенія дѣломъ серьезнымъ. Времена перемѣнились. Правда всюду обнаруживается и безпощадно обличаетъ ложь. Начинаютъ возникать на всякомъ шагу дѣла, компрометирующія многихъ. Защищаться не чѣмъ, и приходится испытать послѣднее средство: обвинить тѣхъ, кто не потворствуетъ обману, какъ попало¹⁾.

Въ этомъ полагаю я причину распущенныхъ слуховъ о мнимомъ происшествіи на Кладбищѣ 22-го января. Это не пустое празднословіе, а желаніе запутать дѣло, грозящее неблаговидной для нихъ развязкой²⁾.

ники довели Кладбище до закрытія? И если бы это невѣроятное событіе случилось, о чемъ тутъ сокрушаться? Напротивъ, это было бы событіе, достойное великой радости для всѣхъ православныхъ, и и вполне согласное съ видами православнаго правительства, заботящагося объ интересахъ церкви, а не раскола. Правительству тратить деньги на поддержаніе раскольническаго учрежденія не предстоило ни малѣйшей надобности. Опасаться за существованіе Рогожскаго Кладбища и выражать такъ откровенно эти опасенія могъ только человѣкъ, не имѣющій ни малѣйшей привязанности къ православной церкви, окончательно вытравившій въ своей душѣ свойственныя православному чувства. И такимъ былъ уже тогда не одинъ г. Лонгиновъ.

Ред.

1) Столько во всемъ этомъ подлой лести предъ правительствомъ новаго направленія, господство котораго начиналось въ Россіи, и сколько гнусной клеветы на поборниковъ прежняго порядка, — людей, заботившихся объ огражденіи церкви и православія отъ раскольническихъ нападений, читатели видятъ и безъ нашего указанія. Всего любопытнѣе то, что такая лесь и такіе клеветы писались въ официальномъ рапортѣ...

Ред.

2) Иеромонахъ Пареній, котораго слѣдуетъ здѣсь разумѣть, ни

По дошедшимъ до вашего с—ва слухамъ имѣю честь объяснить:

1) Вслѣдствіе отношенія къ вашему с—ву г. министра В. Д. отъ 15 янв. сего года за № 129, богослуженіе дозволенное раскольникамъ безъ священства началось на Кладбищѣ, но не 22, а 21 января, въ субботу, вечернею, при коей находились почти одни призрѣваемые въ богадѣльнѣ.

2) Вѣсть о томъ, что въ часовняхъ попрежнему производится служба, привлекла въ воскресенье, 22 января, на Кладбище къ утренѣ и часамъ до 3000 прихожанъ. Торжество при этомъ состояло въ общемъ веселіи и слезахъ радости при первой общей молитвѣ людей, вѣрующихъ посвоему (?), но обязанныхъ за то отчетомъ не другимъ людямъ, а Богу, и лишенныхъ противозаконно сего утѣшенія въ теченіе 14 мѣсяцевъ. Если радость эта преступна, то виноваты въ ней тѣ, которые осмѣлились самовольно отнять у нихъ это утѣшеніе и подали имъ тѣмъ самымъ поводъ изъявлять ее въ высшей степени, при возвращеніи имъ законнаго права. Какъ въ этотъ день, такъ и до сихъ поръ, служба производится внутри часовенъ, слѣдовательно безъ всякаго оказательства ереси, могущаго служить соблазномъ православнымъ и единовѣрцамъ.

3) Насмѣшекъ надъ единовѣрцами и православными (которые не знаю, какъ могли попасть на Кладбище, гдѣ таковыхъ кромѣ 5 или 6 сторожей никого не бываетъ) не дѣлалось на Кладбищѣ никакихъ. Что же говорится на стонѣ, того я знать не обязанъ. Впрочемъ полагаю, что раскольники слишкомъ довольны, чтобы вмѣсто радости предаваться насмѣшкамъ съ особеннымъ усердіемъ.

4) Столкновенія между единовѣрцами и раскольниками никакого не было. Если я доносилъ вашему с—ву о малѣйшемъ происшествіи, могъ ли бы я скрыть столь важное обстоятельство. Даже если бы и было такое столкновеніе,

малѣйшаго соприкосновенія къ дѣламъ Рогожскаго Кладбища не имѣлъ: какой же „развязки“ могъ онъ опасаться?

Ред.

не знаю, кто изъ нихъ (?) скорѣе оказался бы виноватымъ ¹⁾. Раскольники ни за что не пойдутъ въ церковь; а едино-
вѣрцы, даже священники, не знаю, для какихъ причинъ,
въ часовню заглядываютъ нерѣдко ²⁾.

5) Уныніе нѣкоторыхъ едино-вѣрцевъ, обманутыхъ въ
объщанныхъ имъ выгодахъ (?) и привыкшихъ къ пристраст-
нымъ въ ихъ пользу дѣйствіямъ, легко можно объяснить.
Если скажутъ, что разрѣшеніе раскольникамъ службъ (впро-
чемъ никогда законно не запрещенныхъ) поколеблетъ едино-
вѣрцевъ, можно возразить тѣмъ, что у большей части изъ
нихъ, какъ выше доказано, не было въ присоединеніи искрен-
ности, а объ остальныхъ немногихъ изъяснить сожалѣніе
въ томъ, что они присоединены прежде чѣмъ непоколе-
бимое убѣжденіе въ нихъ вкоренено.

Въ заключеніе не могу не присовокупить, что обще-
ственное мнѣніе, насколько оно высказывается, рѣши-
тельно въ пользу мѣръ кротости и справедливости, обна-
руженныхъ въ послѣднее время правительствомъ въ отно-
шеніи раскольниковъ. Многочисленныя мои отношенія съ
просвѣщенными людьми разныхъ состояній, разныхъ убѣ-
жденій, позволяютъ мнѣ судить о благопріятномъ впечат-
лѣніи, произведенномъ послѣдними болѣе кроткими распо-
ряженіями правительства. Всѣ благомыслящіе люди видятъ
въ расколѣ не одинъ церковный вопросъ, но вопросъ го-
сударственный и общественный. Они говорятъ, что надо
радоваться благодѣтельнымъ мѣрамъ, принимаемымъ въ
отношеніи къ нѣсколькимъ милліонамъ нашихъ соотече-
ственниковъ, заблуждающихся конечно, но ослѣпленіе коихъ
исцѣлять не гоненія и фанатизмъ, а время и просвѣщеніе,
что образованіе духовенства, особенно сельскаго, и вну-
шеніе имъ (?) чрезъ то уваженія и довѣрія къ себѣ, тому пре-

¹⁾ Итакъ, во всемъ должны быть виноваты едино-вѣрцы и право-
славные, а раскольники во всемъ правы: такъ слѣдуетъ по либераль-
ному катихизису г. Лонгинова! *Ред.*

²⁾ Здѣсь г. Лонгиновъ уже прямо обвиняетъ едино-вѣрцевъ и ихъ
духовенство въ шпіонствѣ. Но по какому праву? *Ред.*

имущественно можетъ способствовать. Послѣднія же мѣры
правительства могутъ найти себѣ порицателей только въ
людяхъ, преданныхъ близорукимъ и одностороннимъ воз-
зрѣніямъ, своекорыстнымъ видамъ, или закоренѣлымъ и
грубымъ предразсудкамъ ¹⁾.

Послѣ ложныхъ и злонамѣренныхъ слуховъ, распушен-
ныхъ изъ-за угла въ порицаніе справедливыхъ мѣръ пра-
вительства къ восстановленію столь часто нарушенныхъ
правъ, я, какъ ближайшій свидѣтель печальныхъ послѣд-
ствій ложной системы, почелъ обязанностію изложить здѣсь
истину объ оной ²⁾. Картина, мною представленная, осно-
вана на фактахъ ³⁾. Изъ нихъ легко усмотрѣть, какъ благо-
намѣренны и справедливы отчаянные вопли въ порицаніе
нынѣшняго хода раскольническихъ дѣлъ, основаннаго на
справедливости, а не на своеволіи и разныхъ корыстныхъ
разсчетахъ ⁴⁾.

2. Письмо графа Закревскаго министру В. Д. Ланскому.

Конфиденціально.

Весьма нужное.

Милостивый Государь

Сергѣй Степановичъ.

Въ доставленномъ Государю Императору письмѣ іеро-
монаха Пареевнѣ, изъ Москвы, объяснено, будто бы 22 ген-

¹⁾ Это отдѣленіе любопытно собственно какъ образецъ начавшихся
тогда либеральныхъ разглагольствій о расколѣ. *Ред.*

²⁾ Истины-то, къ сожалѣнію, и нѣтъ въ рапортѣ г. Лонгинова, а есть
только брань на ревнителѣй православія и стараніе во что бы ни стало
оправдать раскольниковъ и ихъ либеральныхъ покровителей. *Ред.*

³⁾ И картины нѣтъ и фактовъ вполнѣ достовѣрныхъ также нѣтъ. *Ред.*

⁴⁾ „Ходъ раскольническихъ дѣлъ, основанный на справедливости!“
Этой неудобопонятной фразой г. Лонгиновъ достойно заключилъ свою
обширную апологію раскола и филиппику противъ православія. Во-
обще, въ своемъ „рапортѣ“ онъ оставилъ потомству позорный па-

варя раскольники торжественно открыли на Рогожскомъ Кладбищѣ въ большой часовнѣ свое богослуженіе и отпечатали всѣ домовыя моленныя, безстыдно торжествуя и насмѣхаясь надъ православными и недавно присоединенными единовѣрцами, изъ коихъ нѣкоторые начали уже колебаться, и что надо ожидать между ними столкновений, каковыя уже и начались на Рогожскомъ Кладбищѣ, но были скоро затушены. Передавая лично вашему высокопревосходительству это письмо, Государь Императоръ изволилъ изъявить желаніе знать: какое именно столкновение происходило недавно на Рогожскомъ Кладбищѣ между православными и раскольниками?

Въ исполненіе таковой монаршей воли ваше высокопревосходительство, препровождая ко мнѣ отъ 12 февраля за № 357 письмо іеромонаха Пареевнѣя, просите меня сообщить вамъ подробныя по содержанию его письма свѣдѣнія и обращаете мое вниманіе на описываемыя въ ономъ обстоятельства объ отправленіи на Рогожскомъ Кладбищѣ богослуженія, и о послѣдствіяхъ, которыя произвело публичное оказательство раскола къ соблазну православныхъ и единовѣрцевъ.

Возвращая при семъ письмо іеромонаха Пареевнѣя, я, по собраніи секретныхъ свѣдѣній, имѣю честь сообщить вашему в—ву: 1) что по полученіи отношенія вашего отъ 15 истекшаго генваря № 129, я словесно приказалъ исправляющему должность смотрителя Рогожскаго Богадѣннаго Дома не запрещать раскольникамъ отправлять въ часовняхъ Рогожской богадѣльни моленіе, строго наблюдая, чтобы при этомъ не было допускаемо раскольниками публичнаго оказанія ереси къ соблазну единовѣрцевъ; 2) что вслѣдствіе сего вечеромъ 21 генваря призрѣваемые въ богадѣльнѣ отправляли службу въ часовняхъ, а на другой день, 22 числа, собралось большое число бого-

матникъ своего служенія интересамъ раскола и своей вражды къ православной церкви и ея служителямъ.

Ред.

мольцевъ, но при этомъ никакого особеннаго оказательства ереси не было, а производилось раскольниками внутри часовень чтеніе утрени, часовъ и вечерни, подобно тому, какъ это дѣлается обыкновенно во всѣхъ дозволенныхъ правительствомъ раскольническихъ часовняхъ и моленныхъ; 3) что въ теченіе нынѣшняго года изъ моленей, находящихся при обывательскихъ домахъ въ Москвѣ, распечатана была только одна въ домѣ купца Кононова, вслѣдствіе заключенія Секретнаго Совѣщательнаго Комитета; во всѣхъ же прочихъ моленныхъ, устроенныхъ раскольниками до 1826 года, служба не прекращалась, ибо самопроизвольное распоряженіе бывшаго смотрителя Рогожскаго Богодѣннаго Дома статскаго совѣтника Мозжакова до нихъ не касалось; и 4) что въ недавнемъ времени никакого столкновения между раскольниками и единовѣрцами, которое будто бы вскорѣ было заглушено, не возникало, равно дерзостей, оскорбленій и насмѣшекъ православнымъ и единовѣрцамъ дѣлаемо не было и жалобъ на то начальству не приносилось.

Изъ вышеизложеннаго и прилагаемаго въ копіи рапорта исправляющаго должность смотрителя Рогожскаго Богадѣннаго Дома отъ 18 февраля за № 24, ваше в—во изволило усмотрѣть всю неосновательность доноса іеромонаха Пареевнѣя.

Долгомъ поставляю покорнѣйше просить ваше в—во, при всеподданнѣйшемъ донесеніи о семъ Государю Императору, доложить Его Величеству, что если между единовѣрцами и раскольниками на Рогожскомъ Кладбищѣ и кроется зародышъ неудовольствій, то это есть послѣдствіе извѣстнаго вамъ самопроизвольнаго и совершенно противозаконнаго распоряженія бывшаго смотрителя Рогожской богадѣльни Мозжакова о закрытіи раскольническихъ моленныхъ и другихъ пристрастныхъ его распоряженій, а также дѣйствій самого духовенства по обращенію раскольниковъ въ единовѣріе. Присоединеніе рогожскихъ раскольниковъ къ св. церкви началось 18 сентября 1854 года. Обра-

тившихся считается 1570 человекъ, изъ числа коихъ болѣе трети, а именно 539 человекъ купцовъ и почетныхъ гражданъ, присоединены къ Единовѣрью 30 и 31 декабря 1854 г., т.-е. въ послѣднiя числа, назначенныя для объявленiя купеческихъ капиталовъ. Такое присоединенiе раскольниковъ происходило не отъ искренняго раскаянiя и сознаниа сектаторскихъ заблужденiй, а единственно отъ желанiя воспользоваться гражданскими правами и преимуществами, коихъ раскольники лишены на основанiи Высочайшаго повелѣнiя, сообщеннаго мнѣ въ отношенiи предмѣстника вашего в—ва отъ 27 октября 1854 г. за № 2304. Это доказывается возникшими въ прошедшемъ году слѣдственными дѣлами, изъ которыхъ видно, что единовѣрческое духовенство выдавало раскольникамъ свидѣтельства о присоединенiи безъ совершенiя полнаго церковнаго обряда и даже такимъ лицамъ, которыя никогда сами у священниковъ не были, ихъ не выдали и желанiя на присоединенiе не изъявляли.

Покорнѣйше прошу принять увѣренiе въ совершенномъ моемъ почтенiи и преданности.

1 марта 1856 г.

№ 289.

Получено 5 марта.

Графъ А. Закревскiй.

3. Всеподданнѣйшiй докладъ министра В. Д., заготовленный въ мартѣ 1856 г.

Ваше Императорское Величество изволили передать мнѣ письмо iеромонаха Пароенiя, въ которомъ онъ указываетъ на соблазнъ и безпорядки, произведенные будто бы въ Москвѣ богослуженiемъ раскольниковъ въ часовняхъ Рогожскаго Кладбища.

По содержанiю означеннаго письма я просилъ Московскаго военнаго генераль-губернатора сообщить мнѣ надлежащiя объясненiя; и полученныя нынѣ отъ него отношенiе и копiю съ рапорта смотрителя Рогожскаго Богодѣленнаго Дома считаю долгомъ повергнуть на Высочайшее благоусмотрѣнiе.

Вмѣстѣ съ симъ осмѣливаюсь всеподданнѣйше представить Вашему Величеству о тѣхъ обстоятельствахъ, которыя оказываются изъ дѣлъ вѣреннаго мнѣ министерства по сему предмету.

По допускаемому издавна обыкновенiю на Рогожскомъ Кладбищѣ отправлялось *богослуженiе* и совершались духовныя требы *раскольническими попами*, изъ коихъ послѣднiй (Ермиловъ) обратился въ единовѣрiе только въ 1854 году.

Во время управленiя министерствомъ генерала отъ инфантерiи Бибикова со стороны его не было сдѣлано никакого распоряженiя ни собственною его властiю, ни по Высочайшему повелѣнiю о воспрещенiи раскольникамъ поповщинской секты отправлять *богомоленiе* на Рогожскомъ Кладбищѣ.

Воспрещенiе сiе послѣдовало отъ бывшаго тамъ смотрителя Мозжакова, который теперь отрекается отъ этого распоряженiя, ибо оно совершенно противно 60 ст. XIV т. Уст. о пред. и прес. прест. и другимъ послѣдовавшимъ въ разное время Высочайшимъ повелѣнiямъ¹⁾ о непреслѣдованiи раскольниковъ за ихъ мнѣнiя о вѣрѣ и за совершенiе духовныхъ обрядовъ.

Высочайше утвержденнымъ 21 декабря 1853 года всеподданнѣйшимъ докладомъ министра Бибикова раскольникамъ безпоповской секты дозволено собираться въ часовни на Преображенскомъ Кладбищѣ для молитвы, отпѣванiя умершихъ и совершенiя панихидъ, при чемъ разрѣшено раскольникамъ церковное пѣнiе.

Другимъ докладомъ, удостоеннымъ также Высочайшаго утвержденiя 9 августа 1854 года, испрошено разрѣшенiе принять по Рогожскому Кладбищу тѣ же мѣры, какiя были установлены для Кладбища Преображенскаго.

Между тѣмъ раскольники, не будучи допускаемы смотрителемъ Мозжаковымъ, а потомъ и его преемникомъ, къ бого-

¹⁾ Высоч. утвер. 1826 г. янв. 9 полож. Ком. Мин.; Высоч. повел. 1838 г. апр. 9, 1841 г. дек. 19.

моленію въ часовняхъ на Рогожскомъ Кладбищѣ, жаловались на это стѣсненіе.

Московскій военный генералъ-губернаторъ, имѣя въ виду, что смотритель Мозжаковъ вмѣшался въ отправленіе раскольниковъ обрядовъ вопреки закона и не имѣя на то отъ высшаго начальства приказанія, полагалъ не препятствовать имъ отправлять богомоленіе по ихъ обрядамъ.

На это отъ 15 минувшаго января я увѣдомилъ графа Закревскаго, что такъ какъ по министерству В. Д. не послѣдовало ни особаго Высочайшаго повелѣнія, ни отдѣльнаго распоряженія со стороны самого министерства о воспрещеніи служенія въ дозволенныхъ часовняхъ Рогожскаго Богадѣннаго Дома, то совершенно достаточно разрѣшить смотрителю руководствоваться въ точности постановленнымъ въ 60 ст. XIV т. Свода зак. правиломъ, съ тѣмъ однакожъ, чтобы при этомъ не допускалось отправленія духовныхъ требъ и не было публичнаго оказательства ереси къ соблазну православныхъ и единовѣрцевъ.

Изъ полученнаго же нынѣ отъ генералъ-адъютанта Закревскаго объясненія оказывается, что данное раскольниковъ дозволеніе попрежнему молиться въ часовняхъ ихъ не произвело никакихъ безпорядковъ, что вечеромъ 21 января призрѣваемые въ богадѣльнѣ отправляли службу въ часовняхъ и на другой день, 22 числа, собралось большое число богомольцевъ, но при этомъ никакого особеннаго торжества и публичнаго оказательства ереси не было, а производилось раскольниками внутри часовень чтеніе утрени, часовъ и вечерни, подобно тому какъ это дѣлается обыкновенно во всѣхъ дозволенныхъ правительствомъ раскольническихъ часовняхъ и моленныхъ¹⁾.

Марта 1856 года.

1) Последнее отдѣленіе уже переписаннаго доклада исправлено рукою, надобно полагать, самого Ланскаго, а послѣднія строки, заимствованныя буквально изъ письма Закревскаго, всѣ имъ вновь написаны.

4. Донесеніе митрополита Филарета святѣйшему Синоду отъ 16 февраля 1856 г.

Секретно.

Въ 1854 году, въ Рогожскомъ Богадѣнномъ Домѣ (по выраженію раскольниковъ на Рогожскомъ Кладбищѣ) меньшая изъ трехъ часовень, по случаю присоединенія значительнаго числа раскольниковъ къ единовѣрческой церкви, по Высочайшему повелѣнію блаженной памяти Государя Императора Николая Павловича, обращена и освящена въ единовѣрческую церковь. Вскорѣ потомъ остававшійся при двухъ прочихъ часовняхъ послѣдній раскольническій священникъ Петръ Русановъ также присоединился къ единовѣрческой церкви. Тогда въ остальныхъ двухъ часовняхъ богослуженіе прекратилось, или по распоряженію министерства Внутреннихъ Дѣлъ, или, можетъ быть, само собою: потому что правила поповщинскаго толка требуютъ совершенія богослуженія священникомъ. Раскольники входили въ часовню, возжигали свѣчи предъ иконами, молились каждый про себя; но правильнаго, по уставу, богослуженія не было. Единовѣрцы желали и большую часовню освятить въ церковь; православные также сего желали и надѣялись; нѣкоторые колеблющіеся между расколомъ и православіемъ ожидали сего, дабы принять сіе, какъ знаменіе сильнѣе утвердившагося единовѣрія, и присоединиться къ нему. Сего можно было ожидать особенно отъ тѣхъ болѣе благонамѣренныхъ раскольниковъ, которые не расположены были принять раскольническую лжеіерархію заграничную.

23 генваря 1855 года, по повѣсткѣ московскимъ и окрестныхъ селеній раскольниковъ (какъ догадывались, купцомъ Свѣшниковымъ и попечителемъ Зеленковымъ) собраться для выслушанія якобы въ пользу ихъ указа на Рогожское Кладбище въ часовню, было въ сей часовнѣ необык-

новенно большое собраніе раскольниковъ; зажжено было множество свѣчъ; противъ царскихъ вратъ была поставлена курильница съ ладаномъ; но, по неимѣнію священника, не было никакого молитвословія.

Весною 1855 года, послѣ поѣздки въ Петербургъ раскольниковъ - купцовъ Свѣшникова, Бутикова, Муравлева и Гаранина, распространено было между раскольниками (какъ дознано тогдашнимъ смотрителемъ Рогожскаго Богадѣленнаго Дома) подложное опредѣленіе Правительствующаго Сената о новыхъ якобы преимуществахъ, даруемыхъ Рогожскому Кладбищу; и сіе колебавшихся въ расколѣ удержало отъ присоединенія къ святой церкви.

Наконецъ, послѣ нѣсколькихъ поѣздокъ значительныхъ раскольниковъ въ Петербургъ, 21 генваря сего года въ теплой часовнѣ Рогожскаго Кладбища, при собраніи множества раскольниковъ, открылось служеніе вечерни, въ которой участвовалъ конторщикъ Иванъ Кручининъ, а 22 дня такимъ же образомъ служена утренняя, и съ тѣхъ поръ продолжается подобное служеніе. Въ послѣдующіе дни замѣчено, что во время службы отворяемы были царскія врата и служащій дѣлалъ возгласы: и, какъ сего не можетъ дѣлать мірянинъ, то заключаютъ, что служащій былъ лжесвященникъ. Одежда на немъ была мѣщанская, и онъ остриженъ по-мѣщански; но могло быть, что онъ подъ верхнею одеждою скрывалъ епитрахиль. Полагаютъ, что это именно Кручининъ, жительствующій близъ Рогожской заставы.

Раскольники симъ ободрены; и, напротивъ, не только единовѣрцы, но и общеправославные весьма опечалены.

Если принять въ разсужденіе, что раскольники прежде, и при особенномъ возбужденіи и надеждѣ, не рѣшались открыть въ часовнѣ богослуженіе безъ священника, какъ замѣчено 23 генваря прошедшаго 1855 года, а нынѣ открыли и продолжаютъ оное; и если поставить сіе въ связь съ поѣздками значительныхъ раскольниковъ въ Петербургъ, то не безъ основанія можетъ представиться вопросъ: не

получили ли они на сіе разрѣшенія отъ начальства? Это былъ бы печальный случай, котораго послѣдствія не легко измѣрить. Это имѣло бы такой видъ, что начальство само насаждаетъ и укореняетъ новую отрасль раскола, толкъ поповцино-безпоповщинскій, поповщинскій — по сохраняемому имъ признанію потребности священства и святаго причащенія, а по общественному богослуженію — безпоповщинскій, и, что особенно вредно, это былъ бы самый удобный случай для раскольниковъ подъ личиною мірянъ скрывать лжесвященниковъ заграничной лжеіерархіи.

Особенный вредъ открывшагося явленія есть еще тотъ, что послѣ немаловременной остановки, открытіе часовнаго богослуженія расколоводители могутъ представлять несвѣдущему народу, какъ свою побѣду и какъ надежду дальнѣйшаго своего усиленія.

Для показанія, какъ далеко простираться можетъ такое впечатлѣніе на раскольниковъ, выписываю, что писалъ ко мнѣ отъ 17 ноября прошедшаго 1855 года преосвященный Иннокентій архіепископъ Камчатскій: „Я старался короче знакомиться съ раскольниками, живущими по рѣкѣ Маѣ. Многіе изъ нихъ соглашались со мною въ ихъ заблужденіи. Мнѣ кажется, если бы не ихъ окаянные учителя, которые у нихъ пользуются почетомъ и доходами, то всѣ прочіе обратились бы скоро, и даже безусловно. Одно считаю достойнымъ вниманія, а именно: они всѣ считаютъ себя подчиненными московскимъ рогожскимъ отцамъ, какъ они ихъ называютъ“.

Итакъ, подкрѣпить расколъ на Рогожскомъ Кладбищѣ — значитъ подкрѣпить его даже до отдаленнаго края Сибири, и напротивъ ослабить его на Рогожскомъ Кладбищѣ — значитъ ослабить его повсюду.

Сибирскіе раскольники не знаютъ, что отцы рогожскіе, предъ которыми они благоговѣютъ, суть купецъ Свѣшниковъ, конторщикъ Кручининъ и подобные.

Если же ограничить Москвою взоръ на православіе и расколъ, то достойнымъ вниманія представляется слѣдующее

соображеніе: которая изъ двухъ рѣшимостей была бы болѣе справедлива и менѣе неблагопріятна общему благу, — рѣшимость ли отказать раскольникамъ въ удовольствіи торжественно совершать службу въ рогожской часовнѣ, безъ чего они уже прожили болѣе года и чего ищутъ они не по нуждѣ, имѣя въ Москвѣ и подъ Москвою много не столь публичныхъ моленныхъ, въ которыхъ собираются, но наипаче для выраженія своей побѣды и для удержанія тѣмъ въ расколѣ невѣдущихъ и маломощныхъ, или рѣшимость — угожденіемъ раскольникамъ опечалить въ двадцать разъ большее число православныхъ?

Находя открывшееся на Рогожскомъ Кладбищѣ богослуженіе выходящимъ изъ предѣловъ оказываемой раскольникамъ терпимости, имѣющимъ уже неблагопріятное дѣйствіе и могущимъ имѣть вредныя послѣдствія, и примѣчая что раскольники стараются вести свои дѣла къ успѣхамъ секретно отъ секретныхъ комитетовъ, признаю для себя должнымъ и единственно возможнымъ представить сіе благопопечительному о благѣ святыхъ церкви вниманію Святѣйшаго Синода.

5. Отношеніе и. д. оберъ-прокурора Св. Синода въ Секретный Комитетъ о раскольникахъ.

Святѣйшій Синодъ, получивъ отъ преосвященнаго митрополита Московскаго донесеніе о томъ, что раскольники поповщинской секты въ Москвѣ на такъ называемомъ Рогожскомъ Кладбищѣ открыли и продолжаютъ ежедневно богослуженіе, совершаемое миряниномъ, или тайнымъ лже-священникомъ, поручилъ мнѣ всеподданнѣйше представить сіе донесеніе въ подлинникъ на Высочайшее воззрѣніе Государя Императора съ таковымъ присовокупленіемъ, что Святѣйшій Синодъ полагаетъ внести оное въ Секретный Комитетъ о раскольникахъ для законнаго и совокупнаго съ духовной и гражданской стороны обсужденія мѣръ,

какія должны быть приняты къ устраненію вредныхъ послѣдствій упомянутаго событія.

Его Императорскому Величеству благоугодно было на всеподданнѣйшемъ докладѣ моемъ о семъ въ 4 день марта собственноручно написать: „Разсмотрѣть *немедля* въ Секретномъ Комитетѣ и принять *неотложныя мѣры* къ обузданію преступнаго своеволія раскольниковъ“; а на донесеніи митрополита Московскаго, противъ словъ: „не получили ли они дозволеніе на сіе отъ начальства“, Его Величество изволилъ отмѣнить собственноручно же: „Отъ какого?“

О таковой Васочайшей волѣ имѣю честь объявить Секретному Комитету о раскольникахъ, прилагая въ подлинникъ упомянутое донесеніе преосвященнаго митрополита Московскаго за № 12.

За и. д. оберъ-прокурора Св. Синода тайный совѣтникъ

Сербиновичъ.

№ 1455.

5 марта 1856 г.

6. Всеподданнѣйшій докладъ министра Внутреннихъ Дѣлъ Ланского.

Государь Императоръ изволилъ выслушать этотъ докладъ 20 апрѣля 1856 года. *С. Ланской.*

Въ началѣ февраля сего года Ваше Императорское Величество изволили передать мнѣ письмо іеромонаха Пароенія, въ которомъ онъ доносилъ о соблазнѣ и безпорядкахъ, произведенныхъ будто бы московскими раскольниками при собраніи ихъ для богослуженія въ часовнѣ Рогожскаго Богадѣленнаго Дома.

Вслѣдствіе сего я немедленно отнесся къ Московскому военному генераль-губернатору и просилъ объясненія его по содержанію означеннаго письма. А между тѣмъ въ Святѣйшій Синодъ поступило донесеніе митрополита Московскаго Филарета, который объ упомянутомъ событіи го-

ворилъ въ слѣдующихъ словахъ: „Въ теплой часовнѣ Рогожскаго Кладбища открылось служеніе, при чемъ замѣчено, что во время службы отворяемы были царскія врата и служащій дѣлалъ возгласы, и какъ сего не можетъ дѣлать мірянинъ, то заключаютъ, что служащій былъ лже-священникъ. Одежда на немъ была мѣщанская, но могло быть, что онъ подъ верхнею одеждою скрывалъ епитрахиль. Полагаютъ, что это именно Крининъ, жительствующій близъ Рогожской заставы“.

Съ своей стороны генералъ-адъютантъ графъ Закревскій положительно писалъ, что при собраніи рогожскихъ раскольниковъ не происходило никакихъ безпорядковъ и публичнаго оказательства раскола не было, а происходило внутри часовни чтеніе утрени, часовъ и вечерни, какъ это обыкновенно дѣлается въ дозволенныхъ правительствомъ раскольническихъ часовняхъ и моленныхъ.

Изъ сего оказывается, что высокопреосвященный Филаретъ неопредѣлительно обвинялъ раскольниковъ въ дѣйствіяхъ противныхъ закону, а графъ Закревскій удостоверяетъ положительно, что никакихъ противозаконныхъ поступковъ раскольниками допущено не было.

При такомъ разногласіи высшихъ въ Москвѣ властей — духовной и гражданской — самое существо дѣла указываетъ, что прежде постановленія какого-либо по сему дѣлу заключенія и принятія строгихъ по оному мѣръ, слѣдуетъ произвести подробное и формальное изслѣдованіе о томъ, какое именно служеніе произведено было раскольниками, какими обрядами оно сопровождалось и, въ особенности, не скрывался ли, въ самомъ дѣлѣ, лжесвященникъ подъ лицомъ, отправлявшимъ служеніе, какъ о томъ заставляютъ догадываться дошедшія до высокопреосвященнаго Филарета свѣдѣнія.

Разъясненіе этихъ обстоятельствъ посредствомъ тщательнаго изслѣдованія можетъ только одно повести къ правильному разрѣшенію разсматриваемаго вопроса и указать на тѣ мѣры, которыя должны быть приняты сообразно съ существомъ дѣла.

Правительство всегда слѣдило и слѣдитъ нынѣ за дѣйствіями раскольниковъ, и въ тѣхъ случаяхъ, когда они нарушаютъ установленныя правила, ко вреду церкви и соблазну православныхъ, подвергаетъ ихъ строгимъ взысканіямъ. За всякое оказательство ереси внѣшними обрядами, привлеченіе православныхъ къ расколу, сокрытіе бѣглыхъ поповъ и т. п., часовни и моельни ихъ запечатываются и даже вовсе уничтожаются, виновные подвергаются заключенію въ монастыри, тюремныя помѣщенія, а въ важныхъ случаяхъ лишаются правъ состоянія и ссылаются въ Сибирь; но ко всѣмъ этимъ строгимъ мѣрамъ приступаетъ на основаніи закона не иначе, какъ по точному дознанію¹⁾ нанесеннаго вреда, или нарушенія постановленій.

Осмѣливаюсь доложить, что приведеніе таковыхъ строгихъ мѣръ въ исполненіе никогда не сопровождалось безпорядками, волненіями, а тѣмъ менѣе противодѣйствіемъ. Сію покорность раскольниковъ къ правительственнымъ рѣшеніямъ слѣдуетъ отнести къ тому, что даже при осужденіи ихъ былъ всегда строго соблюдаемъ установленный закономъ порядокъ. Точный смыслъ всѣхъ относящихся до раскола правилъ, какъ тѣхъ, которыя вошли въ сводъ законовъ, такъ и тѣхъ, кои остаются не обнародованными, предписываетъ крайнюю осторожность, осмотрительность и единство въ дѣйствіяхъ относительно раскольниковъ²⁾, и Высочайше утвержденный 10 іюня 1853 г. Журналь Особаго Комитета содержитъ въ себѣ только утвержденіе сихъ правилъ, но не предлагаетъ новой рѣшительной какой-либо мѣры.

Здѣсь должно замѣтить, что при весьма крутыхъ распоряженіяхъ, предпринятыхъ противъ Рогожскихъ и Преображенскихъ раскольниковъ, во время управленія бывшаго министра Библикова, правительство не рѣшилось

¹⁾ Высоч. пов. 5 мая 1839 г.

²⁾ Высоч. пов. 1838 г. нояб. 3 и 1840 г. мая 9.

однакоже *опечатать ни Рогожских¹⁾, ни Преображенских часовень*, хотя, повидимому, къ тому представлялся удобный случай, ибо тогда послѣдній священникъ поповщинской секты присоединился къ Единовѣрью.

Все это приводитъ къ тому заключенію, что и въ настоящемъ случаѣ слѣдуетъ поступить по строгому законному порядку²⁾, т.-е. объяснить всѣ обстоятельства бывшаго въ Москвѣ раскольническаго служенія посредствомъ формальнаго изслѣдованія и до окончанія онаго не приступать ни къ какимъ рѣшительнымъ мѣрамъ относительно рогожскихъ часовень.

Переходя за симъ къ взводимому обвиненію (?), будто бы служеніе въ раскольническихъ часовняхъ охлаждаетъ и останавливаетъ присоединеніе заблуждающихся къ единовѣрью, нельзя не усмотрѣть, что это обвиненіе едва ли можетъ быть признано основательнымъ. Стоитъ только вникнуть, что въ теченіе двухъ слишкомъ лѣтъ (1853—1855) при самыхъ сильныхъ настояніяхъ къ единовѣрью присоединено *по книгамъ* только 1570 человекъ³⁾. Искренно ли и съ убѣжденіемъ приняли эти люди единовѣріе усматривается изъ того, что 539 раскольниковъ⁴⁾ присоединены 30 и 31 декабря 1854 г., т.-е. наканунѣ того дня, какъ оканчивался срокъ выдачи купеческихъ свидѣтельствъ. Можно ли послѣ сего допустить, что они присоединились къ единовѣрью добросовѣстно? Московскій военный генералъ-губернаторъ утверждаетъ, что дѣлами доказано, что присоединеніе совершалось только по наружности, безъ всякаго церковнаго обряда, даже *заочно*. Доказательствомъ

1) Имѣющихъ, какъ извѣстно, частыя сношенія съ уральскими козаками и, по всему вѣроятію, съ раскольниками линейнаго казачьяго войска.

2) Въ 60 ст. XIV т. св. зак. постановлено, что раскольники за вѣру не преслѣдуются, но что имъ запрещается лишь совращать другихъ и дозволить себѣ дерзости противъ православной церкви.

3) Отнош. Моск. Воен. Губ. отъ 1 марта сего года № 289.

4) Тамъ же.

неискренности обращенія раскольниковъ можетъ служить письмо, полученное изъ Астрахани въ минувшемъ мартѣ мѣсяцѣ: въ этомъ письмѣ астраханскіе раскольники просятъ духовныхъ наставниковъ Преображенскаго Кладбища разрѣшить ихъ въ томъ, что для сохраненія купеческихъ правъ и во избѣжаніе рекрутства, они, по примѣру многихъ другихъ раскольниковъ, въ томъ числѣ и московскихъ, вынуждены были приобрѣсти за деньги отъ единовѣрческаго духовенства свидѣтельства о присоединеніи ко св. церкви¹⁾.

Столь рѣшительные факты не могутъ не привести къ убѣжденію, что настойчивыя мѣры, лишеніе гражданскихъ правъ и матеріальныхъ выгодъ не могутъ успѣшно дѣйствовать на совѣсть и на умы раскольниковъ въ дѣлѣ обращенія ихъ къ православію; что къ прямому, искреннему присоединенію ко св. церкви можетъ довести ихъ одно только православное наше духовенство мѣрами, предписываемыми православною церковью, что предвидѣно даже и закономъ гражданскимъ²⁾.

Вопросъ о расколѣ, какъ о явленіи нравственномъ въ человѣческой природѣ, впадаетъ въ область духовную, и потому преимущественно разсматривается въ духовномъ отношеніи. Не менѣе однакоже важенъ этотъ вопросъ въ политическомъ соприкосновеніи его съ гражданскимъ устройствомъ общества, и, разсматривая его съ этой стороны, нельзя не убѣдиться, что каждый шагъ правительства, каждое его распоряженіе должно быть предпринято съ постоянною осторожностію. Коснувшись въ послѣдніе годы матеріальныхъ интересовъ раскольниковъ, мы уже видѣли, сколько это породило недовольныхъ, сколько возбудило сѣтованій, жалобъ, прошеній, слѣдствій разнаго рода, которыя, произведя разстройство даже въ православныхъ населеніяхъ, сильно обременили

1) Отнош. Моск. Воен. Губ. отъ 24 марта сего года № 395.

2) Св. зак. т. XIV Уст. пред. и прес. прест. ст. 60.

низшія и высшія правительственныя инстанціи, не принося взаимно ни малѣйшей пользы. Между тѣмъ нѣкоторые примѣры непринужденнаго перехода въ православіе дѣтей закоснѣлыхъ раскольниковъ доказываютъ, что успѣхи просвѣщенія общають болѣе пользы, нежели мѣры понудительныя, особенно при распространеніи образованности между лицами купеческаго сословія и при постоянномъ развитіи полезнаго ученія между нашими сельскими священниками. Затрогивая нынѣ расколъ живѣйшимъ еще образомъ въ учрежденіяхъ благотворительныхъ, можно ли ручаться, чтобы эта мѣра не произвела еще болѣе непріятныхъ послѣдствій? Но если даже гнѣздилище раскола будетъ изъ Москвы вытѣснено, въ чемъ найдемъ мы ручательство, чтобы оно не утверждалось по разнымъ мѣстностямъ, отдаленнымъ отъ надзора правительственной силы и власти, гдѣ конечно будетъ гораздо труднѣе, если даже и вовсе невозможно, слѣдить и наблюдать за его дѣйствіями? Можно даже опасаться, что въ такомъ случаѣ они обратятъ все свои исканія къ заграничной лжемитрополіи и будутъ ожидать опоры отъ мнимыхъ святителей, покровительствуемыхъ чужеземными правительствами. Въ настоящую же минуту, когда политическое положеніе Россіи воспріяло новый видъ, вопросъ этотъ болѣе нежели когда-либо долженъ обратитъ на себя вниманіе. Близость границы нашей къ Измаилу, гдѣ живутъ весьма многіе раскольники, состоящіе въ постоянныхъ сношеніяхъ съ московскими раскольниками, соседство съ турецкими раскольничьими поселеніями за Дунаемъ, наконецъ австрійская лжемитрополія въ Бѣлой-Криницѣ, что въ Буковинѣ, — все это будетъ естественною приманкою для нашихъ раскольниковъ, которые и безъ того смотрятъ на эти учрежденія, какъ на единственныя мѣста, откуда могутъ тайно привлекать къ себѣ лжеіерарховъ.

Выраженныя мною здѣсь мысли не составляютъ гадательныхъ какихъ-либо предположеній, или умозрѣній;

историческія событія и факты могутъ служить имъ подтвержденіемъ, ибо извѣстно, что во все тѣ эпохи, когда расколъ въ Россіи былъ преслѣдуемъ крутыми мѣрами, сектаторы во множествѣ переселялись за границу, какъ-то въ Польшу и Турцію, гдѣ при каждомъ враждебномъ противъ насъ движеніи, становились вредными для Россіи сообщниками ея непріятелей, а съ другой стороны служили вѣрнымъ путемъ для перевода за границу нашихъ капиталовъ.

Главною цѣлю правительства должно быть, какъ полагаю, пресѣченіе распространенія раскола и обнаруженіе тайныхъ его сношеній съ заграничными сообщниками. Достиженію этой цѣли будутъ препятствовать новыя общія мѣры противъ тѣхъ раскольниковъ, кои не изобличены ни въ подобныхъ сношеніяхъ, ни въ соvrращеніи православныхъ, ибо очевидно, что, подвергаясь стѣсненіямъ въ отправленіи богослуженія, они обратятся къ послѣдователямъ тайныхъ и болѣе опасныхъ сектъ, ускользающихъ отъ наблюденія правительства. Вообще нужно, какъ я полагаю, преслѣдовать сколь можно бдительнѣе странствующихъ лжеучителей раскольническихъ сектъ, оставляя въ покоѣ, по крайней мѣрѣ до времени, тѣхъ изъ раскольниковъ, кои исполняютъ вѣрноподанническія обязанности и слѣдуютъ въ обрядахъ вѣры своей наставленіямъ своихъ родителей, не принимая и не распространяя никакого новаго лжеученія.

Разсужденія сіи я вмѣняю себѣ въ обязанность повергнуть на Высочайшее Вашего Императорскаго Величества благоусмотрѣніе, дабы я могъ во всѣхъ отношеніяхъ и въ точности исполнить Августѣйшую Вашу волю.

Сергій Ланской.

20 апрѣля, 1856 г.

